

Жена в наследство. Книга первая

Автор:

Елена Счастливая

Жена в наследство. Книга первая

Елена Сергеевна Счастливая

Колдовские миры

Последнее, на что я рассчитывала, собираясь в салон примерять свадебное платье, так это оказаться в другом мире. Здесь меня тоже ждет свадьба, да только жених не слишком мне рад. Потому что неведомо как я заняла тело ненавистной ему и его сыну девицы. Теперь мне нужно разобраться с чужим прошлым и вернуть свою жизнь, оставшуюся за гранью миров. Да только как это сделать, если здесь только каменные стены мрачного замка и чужая ненависть, в которой я не виновата?

Елена Сергеевна Счастливая

Жена в наследство. Книга первая

© Счастливая Е. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Будь же ты жив-здоров! – Я едва удержалась от того, чтобы не выругаться покрепче. Гораздо крепче. – Подожди, Ань.

Опустила трубку сотового и склонилась, едва не пролив кофе из полупустого стаканчика «Старбакс». Провела пальцем по свежей широкой царапине на бампере моей новой жемчужной «Мазды». Чёрт побери, ведь только неделю назад забрала из салона! Сквозь ободранную краску проступала грунтовка. Вот и начался день. Мало мне было ссоры с Антоном утром, так ещё и это.

Я снова приложила телефон к уху. Аня вздохнула сочувственно.

– Что случилось? – голос у неё был встревоженный.

– Да какая-то скотина поцарапала мне бампер и смылась! Теперь доказывай в страховой, что я не верблюд.

Я махнула рукой.

– Расслабься. Выдохни... – Аня снова заговорила умиротворённо, будто собиралась меня усыпить.

Ох уж мне эти её книжки по психологии и аутотренинги. Сейчас мне они точно не помогут.

– Я знаю, что мне нужно. Чёртов шопинг. Сейчас же еду к тебе!

– Ты же завтра собиралась.

– Приеду через полчаса. Жди.

– Жду, – проникновенно согласилась подруга.

Гневно глядя в ту сторону, где, возможно, пропал тот, кто испоганил мне машину и утро, я допила свой кофе со льдом, обмахиваясь папкой в другой руке. Проклятая жара. Казалось, сейчас на мне даже туфли расплавятся. В такую погоду сидеть бы дома с ведёрком фисташкового мороженого в обнимку, а не мотаться по раскалённому городу.

Я метко бросила пустой стаканчик в ближайшую урну и едва не вздрогнула, как в тот же миг снова затрезвонил телефон – посмотрела на экран и закатила глаза.

Эта клиентка, похоже, с меня живой не слезет. А сегодня, в весьма скверном расположении духа, мне вообще ни с кем говорить не хотелось – да куда денешься. Эта заказчица платила за организацию своей свадьбы приличные деньги: такие контракты попадаются далеко не всегда. И потому приходилось терпеть её прихоти, а иногда мягко настаивать на своём, если она принималась нести откровенную чушь.

Медленно вздохнув, я нажала кнопку только что надетой гарнитуры, принимая вызов.

– Доброе утро, Марина! – всеми интонациями попыталась передать наивежливейшую улыбку. – Я как раз собираюсь ехать смотреть ткани для вашего оформления... Нашла именно тот цвет, о котором мы говорили... Конечно... Да...

Я села в машину, слушая взволнованный клёкот заказчицы, и завела мотор. Автомобиль резво заурчал, а после лихо взвыл, когда я нажала на педаль газа, слишком порывисто выезжая со своего места. Антон порой ругал меня за это. Мол, так я и сама могу вляпаться кому-то в бампер. Будто и представить не мог, что в этом случае у меня всё под контролем. Конечно, как такое можно вообразить, если за рулём женщина. И ничего, что у этой женщины водительский стаж будет побольше его.

Быстрым нажатием кнопки я выключила «хэндсфри» и раздражённо сбросила его с уха на сиденье рядом. Всё! До обеда никаких звонков, пусть хоть поджарятся от нетерпения. Всегда можно позвонить моей ассистентке Лидочке, милейшей девочке, которая каждой клиентке готова пятки массировать. Или Ольге – наоборот, строгой и сдержанной, умеющей остудить любой пыл и привести комиссарскую аргументацию по поводу того, что на столе должны стоять не красные розы, а именно дымчато-розовые пионы. Но нет, нужно всегда донимать в первую очередь меня, как будто каждый раз, как кому-то приходит в голову новая идея, тут же начинают рушиться все небоскрёбы Москва-Сити.

А пока Лидочка или Ольга разбираются с остервенелыми в предсвадебной горячке невестами, мне и самой не помешает уделить время своему грядущему торжеству. Да-да, организаторы свадеб тоже порой выходят замуж. И, к сожалению, им катастрофически не хватает времени на свой праздник, потому как на части их дерут клиентки и иногда собственные ассистентки. А вовсе изредка – будущий муж, которому тоже, оказывается, надо внимание в этот суматошный период.

Но, к счастью, Антон ещё не звонил, разозлённый нашей сегодняшней стычкой по поводу необходимости приезда его безалаберного, хамоватого братца на свадьбу. Видно, дулся ещё. А может, застрял на важном совещании. Оно и к лучшему. Успеем остыть оба, прежде чем вернуться к конструктивному разговору. А я успею заняться приятным делом и заодно залечить душевную рану от порчи нового авто.

Давно знакомой дорогой я добралась до салона известного свадебного модельера – Анны Романковой. На сей раз даже не по поводу платья для очередной заказчицы. Сегодня я приехала на примерку своего собственного, выстраданного в долгих обсуждениях выбора тканей и фасона. Парковочное место для меня ожидаемо было свободно. Я вышла, аккуратно захлопнув дверь, и прищурилась, глядя на сияющую в свете солнца вывеску ателье. Аня сменила её недавно, отметив пятилетие своего детища, которое приобрело немалую популярность во многом благодаря мне. Ну и безупречному вкусу хозяйки, естественно.

Асфальт прямо плавился под ногами, проминался – и я слегка застревала в нём каблуками. Жакет пришлось скинуть и остаться в одной блузке без рукавов – так хоть немного легче, хотя жара всё равно раскаляла голову.

Каким же счастьем было вновь зайти в прохладное от дыхания кондиционера помещение. Эти несколько метров от машины до двери показались адским адом.

– Доброе утро!

Я улыбнулась администратору Алине, которая встретила меня за невысокой полукруглой стойкой ресепшена.

– Доброе утро, Полина Сергеевна! – Девушка даже встала, заставляя ощутить себя жутко важной персоной.

Она быстро набрала номер и доложила хозяйке, что приехала Полина Жукова, чтобы та вышла ко мне лично, а потом вновь уставилась на меня, храня на губах почти что подобострастную улыбку.

С модельером Анечкой мы дружили со школы. После жизнь немного развела нас в разные стороны, мы даже не виделись несколько лет, зная друг о друге то немногое, что мимоходом рассказывали общие знакомые. Созванивались порой, но редко. Казалось, теперь у нас разные судьбы. Она училась на дизайнера, а я вообще на инженера.

Но витиеватые повороты судьбы вывели меня к стезе организатора свадеб. А там мы столкнулись с Аней очень неожиданно и теперь всегда поддерживали тесное общение.

– Полиночка, наконец-то! – Звонкий голос Ани раздался откуда-то из офисных недр салона ещё тогда, как я её не видела. – Я думала, ты так и не приедешь на примерку. Всё откладывала, откладывала. Надо было поцарапать тебе машину раньше.

Я улыбнулась, когда передо мной возникла наконец чуть полноватая брюнетка ростом мне чуть выше плеча. Как всегда, одетая безупречно – так, что лёгкая дородность вовсе не бросалась в глаза. Да что говорить, ухажёров у неё всегда было хоть отбавляй. Наверное, поэтому она до сих пор ещё не могла определиться. Хоть и получала уже несколько предложений о замужестве.

– Я, конечно, рискую забыть дату собственной свадьбы. Но о примерке платья – никогда. Тем более после такого...

Мы обнялись коротко. Я стёрла с щеки лёгкий след от её помады.

– Пойдём, оно тебя ждёт, – с придыханием возвестила Аня.

Мы вошли в VIP-примерочную, огороженную занавесями цвета поздней сирени – и я так и встала, едва не выронив клатч из-под мышки. Оно было настолько

великолепно, что хотелось зажмуриться.

– Надевай скорей, – шепнула подруга, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до моего уха. – Ей-богу, я слышала сегодня, как оно тебя тихо звало. Я не чокнулась. Не думай.

Она многозначительно покивала, когда я посмотрела на неё с долей скепсиса на лице. Нет, с платьями, которые выходили из-под руки, а точнее, карандаша Ани, у неё были особые отношения. Но чтобы разговаривать с ними... Такого я ещё о ней не знала.

Я быстро скинула костюм и позволила подоспевшим на помощь ассистенткам Анны надеть на меня моё самое желанное на свете платье. Оно пронеслось по телу волной тяжёлого прохладного шёлка, облепило грудь мягким кружевом, село по фигуре так идеально, что от кожи не отличишь. Но чудным образом вовсе не стесняло движений. Откровенное декольте, обрамлённое волнами кружева, смягчалось строгим воротником, который, переходя с плеч, обхватывал шею подобием бархатки. Струящийся шёлковый подол с недлинным шлейфом ложился позади мягкой волной. Талию обнимал тонкий золотистый ремешок.

Я приподняла волосы, открывая шею и скулы, повертела головой, прикидывая, как буду смотреться с причёской, которая подходила бы этому платью лучше всего. Перфекто. Лучше и быть не может. Скрупулёзно снятые мерки, крой, дорогие ткани – и хоть сейчас под венец. Потому что расставаться с ним ни на миг не хочется.

Аня стояла за моей спиной, сложив руки у груди – и казалось, что сейчас расплечется.

– Ты такая красивая, Поля. Даже самой замуж захотелось.

– Так иди. – Я усмехнулась, глядя на неё через зеркало. – Кто там тебя сейчас зовёт? Роман?

– Андрей, – обиженно поправила меня подруга. – С Ромой мы расстались ещё два месяца назад.

Я и хотела бы присвистнуть, да не умела. Не успела я ещё привыкнуть к Ромочке, который обхаживал подругу... Семь месяцев? Девять? Как теперь на меня свалилась новость, что у неё какой-то Андрей. Который уже – дамы и господа! – зовёт её замуж.

– Ты страшный человек, Аня. – Я покачала головой, проводя ладонью по приятно неровному кружеву под грудью. – Как ты до сих пор не увела у меня Антона?

Та махнула рукой.

– Ну, во-первых, уводить мужчин у подруг – это низко и вообще табу. А во-вторых, он же влюблён в тебя без оглядки. Правда, не знаю почему.

Она показала мне язык в ответ на возмущённый взгляд. Я снова посмотрела на своё отражение. Повела плечами, маясь от первого раздражающего ощущения. Как будто что-то колело под лопаткой.

– Ты точно вынула все булавки?

Попыталась пошарить по ткани, но не удалось дотянуться.

– Шутишь? – фыркнула Аня, подходя ближе. – Это же моя репутация...

Она провела ладонью по кружеву, ощупывая. А я пристально уставилась в своё отражение: уж больно странным оно показалось. Как будто смотрела на меня с той стороны зеркала совсем другая девушка, а сама его поверхность плыла, покрывалась рябью, открывая картину вовсе не Аниного салона, а какой-то полутёмной комнаты с каменными стенами и узким окном. Это видение длилось всего миг, а после меня словно скрутило стальным кольцом там, где был пояс. Сдавило все внутренности – и показалось, что сейчас раздробит позвоночник. Не помню, кричала я или нет. Скорее всего, просто вздохнуть не могла. Аня захлопотала вокруг меня испуганно, мелькая светлым пятном блузки перед глазами – вперемешку с другими пятнами, которые застилали всё впереди. Я не могла дышать и говорить. Только чувствовала, как кренюсь вбок. Меня пытаются подхватить чьи-то руки, но сил их хватает только на то, чтобы хоть как-нибудь мягко уложить на гладкий мраморный пол.

– Снимите, – прохрипела я то ли тихо, то ли и вовсе беззвучно. – Платье.

Последним увидела лицо подруги, склонившееся близко-близко. Она говорила что-то. Я не расслышала. А после просто провалилась в обморок.

Я никогда не падала в обмороки раньше, а потому не знала, как должна чувствовать себя в этот миг. Но даже так могла понять, что вовсе не типичные ощущения обуревали меня.

Казалось, что я бегу. Дышу часто и рвано, захлёбываюсь густым, влажным, будто перед грозой, воздухом. В ногах плещется подол длинного платья. Тяжёлый: то ли бархатный, то ли атласный – некогда смотреть. Потому что за мной гонятся. Я слышу его хрип – сочный, жадный – и нет сомнения в том, что это не человек. А значит, меня хотят сожрать. Или просто разорвать на куски ради удовольствия и в угоду кровожадности. И я боюсь оглянуться, потому что знаю: если увижу преследователя, просто остолбенею от ужаса. Потому надо бежать.

Трещат под ногами ветки. Иногда хлюпает грязь – и обувь уже промокла давно, но это всё равно – лишь бы скрыться. Накрывает с головой ощущение жуткой ошибки и беспомощности, будто я сама загнала себя в эту западню, только либо не знала, либо не помнила, как такое случилось. Что-то явно пошло не так в этот день.

До меня волной докатывается страшный смрад, который даже не с чем сравнить. Гниющего мяса вперемешку с конским потом и стоялой, давно протухшей водой. Что-то острое цапнуло подол. Задержало. Я споткнулась, но сумела устоять и ринулась дальше, почувствовав ещё один взмах огромной лапищи за спиной. Вскрикнула, не удержав вспышки невыносимого ужаса. Вытянула перед собой руки, чтобы отвести от лица ветки густого подлеска. Они ударили мокрыми плетями по ладоням, осыпали каплями недавно прошедшего дождя. На миг брызгами охладилась голова, гудящая от напряжения и бестолковых, разорванных на клочки ужасом мыслей. Прокатилась ознобом по влажной спине прохлада сырой низины.

Чьи-то голоса слышались вдали.

– Паулине!

Я повернула к ним – за спасением. Или нет? А преследователь не отставал, гнал меня будто в капкан, который расставили на меня где-то там, впереди. Того и гляди сомкнётся на щиколотке – тогда уж не сбежать. Голоса стали громче, разнеслись мечущимся между деревьями эхом, путая: куда дальше? Где они?

Что-то просвистело, как будто бесшумная пуля. Тот, кто бежал за мной, рыкнул тихо, с подвыванием, но не остановился, кажется. Только шаги его стали тяжелее и медленней. Ещё одна тёмная полоса мелькнула сбоку, заставив дёрнуться в сторону: не зацепило бы. Судорожный низкий всхлип за спиной. Треск валежника под тяжёлым телом. Я снова повернула, укрылась за широким тёмным стволом. Выглянула из-за него: тихо и пусто. Будто все, кто мгновение назад был вокруг, провалились сквозь землю.

Я прислонилась спиной к шершавому, дерущему спину через ткань дереву и закрыла глаза. Самое время. Другого шанса не будет, иначе меня всё же поймают не одни охотники, так другие. Чёткое осознание этого наполнило голову ясностью и решимостью. Я достала из потайного кармана платья кинжал, взвесила в мокрой от испарины и росы ладони. Обхватила его крепко и, задержав дыхание, ударила себя в бок.

* * *

Виски ломало так, будто сейчас их сжимали огромными тисками. К тому же невыносимо резало в боку, под самыми рёбрами. А уж после вбилась в уши гвоздями совсем не тот шум, который можно было ожидать в салоне платьев. Топот кругом, словно мимо меня сейчас проносился табун лошадей, выкрики. Показалось сначала, на незнакомом языке, но с каждым мигмом они становились понятнее. Будто из памяти появлялись новые слова.

Как же тяжело дышать... И во рту пересохло страшно. Тело ещё не желало слушаться, лишь позволяя принимать хоть какие-то сигналы отовсюду. Пахло сырой землёй и смятой травой. И чем-то солёным... Как будто кровью? Уж точно не морем.

Я слабо помотала головой, пытаюсь стряхнуть это липкое наваждение, но оно не отступало. Крики стихали, уступая место какому-то неестественному безмолвию.

Я открыла глаза, пытаюсь пошевелить хоть чем-то. Хоть мизинцем – и с удивлением поняла, что в ладони моей лежит холодная рукоять то ли ножа, то ли ещё какого оружия. Плавно изогнутая, с непонятными узорами, которые обвивали её по всей длине. Я так и лежала, ощупывая совершенно непривычный для меня предмет и глядя в небо над головой. Странное осознание наваливалось постепенно: это не то небо, к которому я привыкла. Нет, оно было обычным – казалось бы – хмурое, словно осенью, затянутое тяжёлыми, перетекающими при движении тучами. И неуловимо другим.

Я вновь закрыла глаза, надеясь, что это просто дурацкий сон. Или последствия обморока, в который я свалилась в примерочной. Топот приблизился, взметнувшись резко справа от меня. Я вскинулась, вдруг обретя силы – и едва не прямо перед глазами оказалась мускулистая грудь вороного коня. Чуть выше – морда, трепещущие вокруг удил губы и круглые ноздри, жадно втягивающие воздух.

– Вы в порядке, мейси? – Холодный, будто камень, голос свалился на голову.

А потом над шеей коня показалось лицо мужчины. Молодого, но уже далеко не юного, с точёными, выпуклыми чертами. Широкий, чуть тяжеловесный подбородок, резкие скулы, длинный аристократичный нос. И глаза – такого же цвета, как небо над ними. Сумрачные, стальные. Влажные то ли от пота, то ли от мороси волосы его падали небрежными волнами вокруг головы, только что, видно, взъерошенные рукой.

Я снова упала на землю. Грянулась спиной о какой-то камень, на котором до этого лежала вполне спокойно, даже его не чувствуя. Что за бред? Что за кони и мужчины, словно со страниц женских романов? Кто-нибудь дайте мне нашатыря, чтобы я скорее пришла в себя!

– Она ранена, – серьёзно констатировал другой голос. – Кровь теряет.

Тот незнакомец с облачными глазами спешил и быстрым шагом приблизился. Я бездумно провела взглядом по его высоким сапогам, чуть выпачканным в грязи. Он присел, опуская одно колено прямо в мешанину травы и земли. Вынул нож – или что там было – из моей ладони, едва коснувшись прохладными пальцами. Оглядел сначала его, тихо хмыкнув – отчего его красивые губы неприятно исказились, – а затем меня.

– Она ранила себя сама, – почти фыркнул, словно совсем этому не удивился. – Неужто замужество хуже смерти? Отнесите её в карету и перевяжите. Слангера грузите в телегу. Будет хорошая шкура на куртку.

– Что с телами? – спросил кто-то из его сопровождающих.

– Отправьте обратно в Шадоурик. Там займутся их погребением.

Он встал и вновь запрыгнул в седло – так ловко, что любоваться бы, но... Какие тела? Какая карета?! Я приподняла голову, вглядываясь сквозь переплетение тонких ветвей. Там и правда стоял экипаж, подобный тому, какие я видела однажды в Эрмитаже на выставке. Откуда бы ему тут взяться? Да и откуда вообще взяться мне посреди леса, на дороге, которая больше напоминала сельскую тропу, в окружении мужчин в странных, подходящих разве что для съёмок исторического фильма нарядах?

– Что произошло? – всё же решила выяснить я, хоть от меня вопросов и распоряжений явно никто не ждал.

Обвела незнакомцев взглядом. Они все смотрели на меня со смесью усталости и любопытства – человек пять. Все высокие и атлетичные – хоть на эротик-календарь снимай. Только сейчас это меня вовсе не будоражило.

– Мы выехали вам навстречу, а застали бойню, – ответил один, самый молодой и, видно, жалостливый. – Слангеры напали. Вы одна выжили, мейси.

Осознания неправильности, но в то же время невероятной реальности происходящего сыпались на меня одно за другим. А ещё одним стало, что говорят все эти незнакомцы на совершенно чужом языке. Но, странное дело, я их прекрасно понимаю. Будто знания эти кто-то вложил мне в голову извне.

Нет, я точно ударилась черепом о дорогуший пол в Анином салоне. Может быть, у меня даже сотрясение головного мозга! Может, я вообще теперь буду лежать всю оставшуюся жалкую жизнь в коме и видеть перед собой вот это всё. Ведь такого просто не может быть!

– Хватит болтать! Унесите уже её! – напомнил предводитель.

Один из его сопровождающих шагнул ближе, присел. Я и хотела бы вскочить, оттолкнуть огромные мужские руки, что потянулись ко мне, да только слабо дёрнулась. И тут же дыхание застряло в груди от боли.

– Тише, мейси. Осторожнее... – успокаивающе заговорил склонившийся ко мне темноволосый мужчина, улыбаясь слегка растерянно и мягко хватая меня за плечи. – Вы ранены, вам нужна помощь. Тише...

– Мне не нужна помощь, – просипела я и сама же удивилась. – Мне нужно домой!

Оказывается, и говорила я на другом языке так, будто он был мне родным. Да только слушать и хвалить меня за невероятные знания никто не стал. Мужик сгрёб меня на руки, отчего в боку словно раскалённый гвоздь шевельнулся, и понёс прочь. Я вывернула голову, отыскивая взглядом того незнакомца на вороном коне, но увидела только его спину, что возвышалась над крупом лошади, отдаляясь от меня. Почему-то казалось, что ответы надо узнавать у него. Кто он такой? Кто вы все такие?!

И тут засыпать бы их вопросами, но какой-то неведомый инстинкт подсказал, что сейчас нужно помолчать. Начни я утверждать, что меня вовсе не должно здесь быть, требовать вернуть домой – и в лучшем случае меня сочтут сумасшедшей. В худшем... а вот наихудшие перспективы я себе и представить боялась. Да и теплилась в душе ещё надежда, что всё это только нечто вроде сна, хоть ощущения были весьма натуральные. Стреляющая боль в боку, запах сырой шерсти, что исходил от плаща того мужчины, который нёс меня в ту самую мрачноватую тёмно-коричневую карету со сложными вензелями на дверцах. Видно, это какие-то родовые знаки.

В экипаже оказалось промозгло. Погода, похоже, не радовала уже давно – и в пути всё здесь отсырело. Даже обивка дивана, куда меня и уложили аккуратно. А вот сама карета выглядела довольно богато, если я вообще что-то понимала в убранстве таких повозок.

– Дайте посмотрю. – Всё тот же незнакомец присел на корточках рядом и осторожно приподнял мою руку, открывая горящий огнём бок. – Позвольте.

Я попыталась вырваться, ещё не веря в происходящее. Карета дёрнулась, трогаясь с места – и мужчина покачнулся, навалился слегка. Меня даже

передёрнуло. Ох, не люблю, когда всякие не слишком хорошо вымытые джентльмены, сильно смахивающие на только вышедших из леса егерей, нарушают моё личное пространство. Пусть и не нарочно.

Он извинился тихо и всё же осмотрел рану, слегка разодрав длинное бордовое платье весьма странного для меня кроя, и без того раньше вспоротое ножом. Цокнул языком досадливо, и внутри всё закрутилось узлом – я умираю? Вдруг резко захотелось жить. Хотя бы в этом пока непонятном мне мире.

– Что там? – спросила, остро желая вызнать подробности.

И тут же поняла, что сглупила. Ведь тот надменный аристократ – а он явно был непростых кровей, это даже я, жительница мегаполиса, где аристократов не каждый день встретишь в булочной, понимала, сказал, что ранила я себя сама. И результат моего неосторожного вопроса проявился тут же: мужчина глянул подозрительно и удивлённо.

– Там глубокая рана, мейси. Вы что же, не помните, как сами себя ударили ножом? Или прикидываетесь дурочкой?

Так. Похоже, ко мне здесь если не все, то многие относились с непонятной неприязнью. И что самое паршивое – я ведь и правда ничего не знала из того, что случилось перед тем, как меня нашли. На минуточку, с ножевым ранением.

– Я... Я не знаю. Я помню всё очень плохо...

Иногда прикинуться дурочкой – не самый плохой вариант. Тогда мужчины начинают относиться снисходительней: мол, что с неё, блондинки, взять. Порой выгодно. Похоже, эта хитрость сыграла и здесь. Незнакомец вздохнул, закатив глаза, а потом вновь вперился в мой бок, осторожно его ощупывая.

– Кровь надо остановить и перевязать вас, иначе может обернуться плохо, – без особых эмоций сообщил он. – Кинжал вошёл неглубоко и, кажется, ничего важного не задел. В Стражи вас не взяли бы – с такой-то меткостью.

Кто такие эти загадочные Стражи, я, понятное дело, и понятия не имела – а потому благоразумно промолчала на его слова, которые, видно, должна была

воспринять как колкость. Мужчина снял со своего пояса нечто наподобие фляжки, открутил крышку и щедро плеснул мне на рану. Наверное, я взвыла, как буйвол в любовной горячке. По крайней мере, никогда раньше таких звуков в моём горле не рождалось. Даже в ту пору, как мама неосторожно отдала меня в хоровое отделение музыкальной школы, непонятно с чего решив, что у меня есть слух. Из глаз тут же вышибло слёзы, а дыхание заколотилось в груди, словно сотни маленьких раскалённых камешков. Как больно-то!

– С ума сошли? – прохрипела я, выгибаясь на жёстком, трясущемся вместе с каретой диване.

И тут все мои и без того скудные силы разом схлынули. Я распласталась, не способная пошевелить ничем больше. Только чувствовала жгучую боль, которая охватывала, кажется, уже не только бок, а всё тело, въедалась даже во внутренности.

– Что у вас там творится? – раздался возмущённый оклик снаружи. – Стоять!

Карета резко остановилась, и я едва не скатилась с дивана. Распахнулась дверца, и внутрь заглянул тот самый мрачный аристократ. Он перевёл гневный взгляд с меня на моего невольного мучителя, а тот только развёл руками.

– Делаю, что могу, мениэр ван Берг. Вы же приказали. Её бы лекарю показать. Да и женщина тут справилась бы лучше – жаль, погибла. А так... Как бы не загноилось.

Божечки, похоже, об антисептиках здесь слыхом не слыхивали, кроме того, что выплеснули мне на бок только что.

– Покажем. Геролфу покажем, как доберёмся до поместья, – уже спокойнее проговорил тот. – Но вы всё ж поосторожнее. Отец не будет рад подпорченной невесте. Хотя... Целость её шкуры не имеет особого значения. Но всё ж неприятно – столько расходов.

«Ах ты ж какой гад!» – подумалось с вялой злостью. Просто мозг был сейчас настолько ослеплён болью, что даже ругательств никаких толковых в нём не могло возникнуть. Но то, с каким пренебрежением он отозвался о, между прочим, моей шкуре, всё ж укололо где-то в подвздошь. А уж потом до меня

дошёл смысл остальных его слов. Невеста отца... Какого, простите, чёрта?! Мало того что очнулась не пойми где, так ещё и в статусе невесты какого-то очередного незнакомого мужика. И как ни мало мне нравилась вся эта мутная ситуация с самого начала, а чем дальше, тем нравилась всё меньше.

Но тот, кого называли мениэром ван Бергом, только равнодушно скользнул по мне взглядом, словно по дождевому червю, который переползал дорогу перед ним. Так и представилось, как он заносит ногу и давит меня без единого проблеска сожаления. И было так дико видеть на чьём-либо лице столько омерзения, что я даже затихла от потрясения, перестав судорожно всхлипывать. Да в чём же успела перед ним провиниться?

Не в силах более выносить его ненасытный взгляд, я отвернулась, а он захлопнул дверцу кареты. Повозка качнулась и поехала дальше, сопровождаемая всадниками по обе стороны. Но на миг это перестало иметь хоть какое-то значение. Потому что меня настигло ещё одно понимание. Я была не я.

Вернее, я, но в какой-то другой оболочке. Мои разметавшиеся по сиденью волосы оказались чёрными, совсем как шкура вороного коня ван Берга. Куда подевался мой пепельный блонд?! Мало того что я вдруг стала брюнеткой, так ещё и моё вылизанное – волосок к волоску – каре до плеч превратилось в копну густых вьющихся локонов. Они теперь стелились под моей головой и спиной, местами слипшиеся от грязи, но всё равно невероятно красивые. Даже завораживающие. У меня никогда в жизни не было таких длинных волос.

Превозмогая боль, я подняла руки и оглядела их – точно не мои. Длинные пальцы, даже чуть костлявые, но в целом красивой формы. Естественно, никакого маникюра. И попросить бы у кого зеркало, но это будет выглядеть очень уж подозрительно. Да и вряд ли у того коновала, что неуклюже взялся за моё лечение, окажется вдруг зеркальце за пазухой.

Пока он возился в перекинутой через плечо увесистой сумке, я ощупала своё лицо, конечно, ничего толком не понимая, но смутно догадываясь, что и оно принадлежит не мне. Нет, это точно пахло черепно-мозговой травмой. Примерила платье, называется.

Одно хорошо: тот мужчина, на чьё попечение меня оставили, всё ж нашёл, чем перевязать рану. После прижигания тем лютым пойлом, вонью с которым не мог потягаться даже дешёвый виски, боль немного успокоилась, но чувство назойливого жжения никак не уходило. К тому же от крепкой перевязи было тяжело дышать. Но не мне в моём положении жаловаться. Ещё недавно я и предположить не могла, что могу умереть от удара в бок ножом, а сегодня эта возможность замаячила передо мной пугающе отчётливо.

К тому же чем дольше я ехала в этом сыром экипаже по соседству с незнакомцем, которого успела уже неплохо разглядеть, тем больше убеждалась, что это не сон и не наваждение. И даже не бред. Я и правда каким-то неведомым образом попала то ли в прошлое, то ли и вовсе в какой-то другой мир. Не зря померещилась мне та девица в зеркале. Ох, не зря. Это было вовсе не порождение жары, которая маяла с самого утра.

– Как вас зовут, мениэр? – после затянувшегося молчания всё же решила спросить моего спутника, который сел в противоположном углу кареты и вперился в маленькое оконце.

После наблюдения за всем, что он делал, за тем, как смотрел на меня и как разговаривал, я сделала вывод, что раньше мы не были знакомы. Он повернул ко мне слегка взлохмаченную голову, хмуря чёрные, будто углем нарисованные брови. Но, кажется, ничуть не удивился вопросу: а значит, я не ошиблась.

– Алдрик.

– А как меня зовут, вы знаете? – Мужчина нахмурился ещё сильнее, потому пришлось пояснить: – Просто не знаю, представляться вам или нет.

Он слегка успокоился и повёл плечом.

– Знаю. Паулине дер Энтин. Можете не представляться. Вас сейчас в окружении йонкера Хилберта ван Берга мало кто не знает. А уж его отца – тем более.

Он хмыкнул то ли презрительно, то ли насмешливо. А мне немного полегчало. Хотя бы удалось выведать имя предводителя всей этой шайки. Уже в этом не попаду впросак, если придётся к нему обращаться. Осталось только выяснить имя того мужчины, которому я неведомо каким сомнительным счастьем

приходилась теперь невестой.

Вот же подстава! Собиралась замуж за Антона, которого знала уже вдоль и поперёк, а тут просватана за того, кого не знаю, как и зовут. Лютое средневековье, что тут скажешь.

Паника накрывала меня рваными волнами. Но я старалась успокоиться: что-то да выведаю о неожиданном женишке. А там мало-помалу, может, удастся разузнать, кто я вообще теперь такая – тоже вопрос не из последних. Может, пойму даже то, как вернуться назад – в свой мир и своё тело. Вот своего тела было особенно жаль. В остальном же я вообще мало представляла себе, как буду выкручиваться, когда дело коснётся того, что я должна знать, а не знаю. Ведь этот мир совершенно мне не знаком: какие тут порядки, какие устои? Может, мужчины здесь жрут жён после свадьбы – кто их знает?

Но пока что меня везли не на казнь, а, похоже, на собственную свадьбу. И, судя по всему, торжество предполагалось нерадостное.

Глава 2

Погода снаружи, похоже, совсем испортилась. Застучал по крыше дождь, не сильный, но изматывающий: от такого обычно становится пустой голова. Вот и моя опустела, кажется, просто переполнившись, словно оперативная память компьютера. Я уже не способна стала ни о чём-то переживать, ни бояться будущего. Только лежала на сиденье кареты, монотонно покачиваясь, и морщилась, когда колесо налетало на камень или попадало в ямку на дороге – тогда в боку отдавалось острой болью.

Всадникам, похоже, тоже не особо нравилось ехать под дождём, а потому они то и дело поругивались и ворчали. Я слышала множество голосов, что отрывистыми фразами вспыхивали то в одной стороне, то в другой. И поначалу ни разу – голоса Хилберта ван Берга. Похоже, ему одному было всё равно. Но из обрывочных разговоров мужчин мне удалось всё же понять, что едем мы в некий городок или деревню под названием Моссхил. Там собирались и заночевать: потому в словах каждого то и дело проскальзывало предвкушение тепла и отдыха.

Они обсуждали тех, кто, видно, напал на меня. Напал и перебил всё моё сопровождение – вернее, сопровождение Паулине. Хорошо, что трупы я не видела – это оказалось бы выше моих сил. Мужчины безуспешно пытались разговорить своего предводителя, да тот либо молчал, либо отвечал так коротко и тихо, что невозможно было разобрать слов. Будто нарочно так делал, чтобы я ничего не поняла. А ведь любая информация сейчас была для меня полезной.

Начало темнеть, помалу мерк свет в оконце кареты. Алдрик задремал, привалившись виском к стенке, захрапел тихо: похоже, за моё самочувствие вовсе не беспокоился. Я и правда чуть оправилась, даже попыталась сесть: от долгого лежания затекло всё тело. Но в боку так выстрелило, что я снова опустилась на сиденье. Ну его. Лучше побережись, а то кто его знает, что будет дальше и не понадобится ли мне всё моё здоровье.

Скоро совсем уже размытая дорога по ощущениям сменилась более укатанной. Карету перестало так нещадно трясти, она перестала то и дело застревать в грязи и покатила резвее. Я приподнялась и выглянула в окно: мимо проплывали невысокие аккуратные домики – все сплошь каменные, приземистые, с небольшими оконцами, в которых обязательно горели огоньки свечей. Неудивительно: ведь в них, наверное, почти не попадает свет. Странно, почему такие маленькие окна?

Стояли вдоль дороги и более высокие дома – двухэтажные: видно, они принадлежали самым зажиточным людям. То и дело попадались вывески над дверями, мокрые от дождя, с потемневшими от влаги деревянными фигурками и коваными завитками вокруг них. То ли ремесленные мастерские, то ли какие-то лавки: разглядеть, что на них изображено, или тем более прочесть надписи я не успевала.

Скоро карета совсем замедлилась и постепенно остановилась возле окованной узкими металлическими пластинками двери.

Тут я успела разглядеть и вывеску над ней: месяц со звёздами на плоском кругу. И надпись «Утиное перо». Видно, она должна была убедить путников в том, что подушки и перины здесь исключительно мягкие. Меня же радовало уже то, что весь этот отряд не остановился ночевать под открытым небом. Если уж нет возможности переломить ситуацию сейчас – да что там переломить, хотя бы в ней разобраться, – то пока стоит просто отдохнуть и набраться сил.

Путешествие в карете, у которой, наверное, и рессор-то нет, только измотало меня вконец.

Алдрик проснулся, как только экипаж остановился – заморгал вяло и огляделся. Начали спешиваться всадники, а с заднего двора ночлежки прибежали двое парнишек в порядке поношенной, но чистой одежде – помогать гостям.

Я с любопытством наблюдала за тем, что происходит, через окошко, за которое цеплялась пальцами. И, увлекшись, даже вздрогнула, когда прямо перед моим носом возникло лицо Хилберта. Он распахнул дверцу и резким жестом подал мне руку.

– Надеюсь, вы способны выйти сами, мейси или вас придётся нести?

Нести меня... Ещё чего не хватало. Меня и так уже вдоволь полапал Алдрик. Я смерила хмурого йонкера взглядом и молча вложила ладонь в его пальцы. Вставать с сиденья оказалось тяжело и совсем не приятно: побежало по телу покалывание, как в одной огромной отсиженной конечности, а в боку словно шипастый вал заворочался. Но я постаралась не подать вида. Только бы не упасть прямо на каменную мостовую: колени нехорошо подрагивали. Пришлось вцепиться в руку Хилберта сильнее.

Он глянул на меня подозрительно, помогая спуститься, а другой рукой махнул светловолосой девице приятной внешности в уныло коричневом платье с полосатым передником – и та спешно подошла.

– Отведите аарди дер Энтин в приличную комнату. Самую приличную, что у вас есть. И позовите лекаря. В Моссхиле ведь есть лекарь?

Девица закивала рьяно, украдкой оглядывая знатного господина всего – от носков его сапог до кончиков небрежно разметавшихся на ветру, прибитых дождём волос. Тот и не взглянул на неё, словно это было ниже его достоинства. Какой, однако, высокомерный. Но, стоило признать, этим он и привлекал к себе: холодностью недвижимой скалы, о которую хоть бейся, а всё равно он останется невозмутимым и безразличным к тем, кого не считает достойным своего внимания. За это его даже мне уже хотелось хорошенько треснуть.

Горничная – так я решила назвать девицу довольно сомнительной, на мой вкус, профессии – проводила меня через душный зал первого этажа постоянного двора.

Здесь располагалось нечто вроде полутёмной харчевни. Пованивало, надо признать, скверно, как на задворках какого-нибудь дешёвого дискаунтера «у дома». Да и верно: для кого здесь готовить свежую еду? В этом-то захолустье. За столом здесь сидели только двое мужчин в плотных штанах и сапогах до колен, в распахнутых куртках из странной на вид кожи, похожей на нерпу. Они мазнули по мне взглядами заинтересованно, едва подняв головы от своих кружек, наполненных чем-то горячим.

Следом за мной вошёл Хилберт – и мужчины тут же вскочили со своих мест, вытянулись, как будто окаменели. Однако...

– Мениэр ван Берг. – Они приветствовали его резкими кивками.

Служанка повела было меня дальше, но я нарочно приостановила шаг. Очень любопытно.

– Какого лысого гарга вы тут сидите? – Хилберт подошёл к незнакомцам в несколько широких шагов, и те переглянулись, ещё сильнее выпрямляя спины. – Почему не несёте дозор?

– Так дождь, мениэр ван Берг, – попытался оправдаться один. – Заехали вот согреться малость.

В харчевню со стороны кухни настороженно заглянул ещё один мужик: низенький и худощавый. Видно, хозяин сего заведения: это было понятно по его встревоженному взгляду и щеголеватому виду яркого жёлто-зелёного наряда. Как на маскарад собрался.

– Согреться, – хмыкнул Хилберт.

Он взял одну из кружек, что стояли на столе, и понюхал. Качнул головой удовлетворённо: видно, там не оказалось ничего запрещённого.

– Мы сейчас же вернёмся к службе, – уверил его второй мужчина.

– Конечно, вернётесь. – Йонкер с грохотом поставил кружку обратно. – И приведите себя в порядок. Выглядите не как Стражи, а как разбойники. Скоро наведаюсь к вам в гарнизон. Совсем распоясались.

Он повернулся и пошёл к хозяину постоялого двора. Тот с готовностью и нижайшей улыбкой вышел ему навстречу. Дальше я ничего не увидела, потому как горничная настойчиво потянула меня вверх по лестнице.

Комнат здесь оказалось немного – с десяток по обе стороны тёмного, как подземный переход на окраине, коридора. И обшарпанный вид дверей их уже заставлял сомневаться, что в матрасах постелей, что там стояли, было и правда утиное перо. Скорее уж солома.

Девушка отперла одну из них и прошла внутрь первой, неся свечу в подсвечнике. На удивление, комнатка оказалась не так уж и плоха, если забыть о том, какие отели я видела в своей жизни раньше. Если тут нет хотя бы клопов – то и ладно.

– Аарди желает поужинать? – любезно поинтересовалась горничная.

Я даже на миг растерялась. Есть совсем не хотелось, а вот выпить чего-нибудь горячего было бы замечательно. Только какие тут напитки? Чай? Кофе? Вряд ли...

– Принесите, пожалуйста, чего-нибудь согреться. Только не горячительное, – туманно выразилась я.

Но девушка понимающе кивнула и быстро вышла из комнаты, напоследок глянув на моё весьма испачканное в земле платье. Ладно хоть, дыра от ножа на нём скрылась под плащом. Пока служанка бегала в харчевню, я села на постель, а затем прилегла, озираясь. Темновато. Стены обшиты досками. На дальней висит какая-то картина, настолько засиженная мухами, что в полумраке и не разобрать, что на ней изображено: то ли какая-то пастораль, то ли голая девушка. Я пощупала пятой точкой матрас – вот ведь жулики, и правда солома.

Скоро горничная вернулась с небольшим подносом, на котором стояла солидная глиняная кружка. Над ней поднимался пар, а по комнате помалу разливался приятный аромат каких-то неизвестных мне специй.

– Что это? – всё же спросила я, не сумев совладать с любопытством.

– Волрейн, – слегка удивлённо ответила девушка.

Видно, такие простые вещи мне было положено знать. Но я состроила невозмутимый вид и кивнула ей.

– Ещё можете принести умыться?

– Конечно, мейси.

Горничная снова убежала. Удивительно услужливая для такого захолустного места. У нас где-нибудь в затрапезном городке в полупустой гостинице уже обхаяли бы с ног до головы. А тут выполняют всё, что попросишь, совершенно спокойно.

Зашумели в коридоре мужские голоса: видно, все мои спутники тоже начали расходиться по комнатам.

– Вам, мениэр, самая лучшая, что у меня есть. Только для особых гостей, – заискивающе проговорил, судя по всему, сам хозяин, проходя мимо моей каморки.

Прозвучали шаги и стихли, когда хлопнули одна за другой сразу несколько дверей. Прислушиваясь к приглушённому гомону, я отпила из кружки – и всхлипнула, вытирая сразу выступившие на глаза слёзы. Не знаю, из чего варили этот волрейн, но напоминал он наш глинтвейн, только с хорошей порцией перца. Очень хорошей – даже в носу закрутило. Но согревал он отменно – с этим трудно было спорить.

Неожиданно в дверь постучали, и после разрешения входить двое мужчин – видно, работники этого двора – внесли тяжёлый сундук. Похоже, с моими вещами. Точнее, той девицы, в теле которой я оказалась.

А за ними в сопровождении служанки ввалился – по-другому и не охарактеризуешь эти телодвижения – полноватый мужичок девушке чуть выше плеча. Это и ладно бы, но больше всего встревожило, что он был едва не

вусмерть пьян.

– Это что, лекарь?! – Я медленно отставила полупустую кружку на столик.

Девушка виновато развела руками.

– Другого у нас нет. Он не всегда такой, – попыталась она оправдать вид врача, который ни в какие ворота не лез.

– Да мне какая разница? Я не спрашиваю про дни, когда он не такой! Я его к себе не подпущу!

Лекарь пробормотал что-то совсем неразборчиво. Добавил, что он и в таком состоянии вылечит кого угодно. Сделал ещё шаг ко мне, заставив отшатнуться, и едва не рухнул лицом вниз: служанка успела его подхватить под локоть.

– Может, я могу помочь вам, мейси? – пропыхтела она, выталкивая горе-лекаря из комнаты.

– У меня там всё очень плохо. – Я поморщилась, осторожно притрагиваясь к боку.

Служанка помогла мне открыть сундук и выбрать сорочку на ночь. Я умылась, вытерпев её въедливый взгляд. Она, похоже, так и разрывалась от любопытства, заметив небрежную перевязь поперёк моего туловища. Видно, и спросить хотелось, что стряслось, и смелости не хватало.

– Да уж, это никуда не годится, – вздохнула девушка наконец.

А затем снова умчалась – уж сколько случилось со мной хлопот, – но скоро вернулась с каким-то горшочком и узким мотком чистой ткани. Делала она всё гораздо осторожнее и более умело, чем Алдрик. И мне теперь полегчало настолько, что о ране и вовсе, казалось, можно было позабыть. Если воздержаться от резких движений.

Выяснить бы ещё хоть что-то у этой милой девушки, о которой я, видно, несправедливо подумала в не самом лестном ключе.

– Как вас зовут, мейси? – спросила я, вспомнив, что так и не узнала её имени.

Страшно было, конечно, напутать что-то в обращении, но, похоже, ошибки не случилось.

– Лаура. А вы ведь Паулине дер Энтин... – Она глянула с опаской исподлобья. Не спросила, но уточнила. – Простите, но о вас сейчас так много говорят.

Так-так – я, прямо как ищейка, почуяла возможность узнать о себе побольше.

– Что же обо мне говорят? – фыркнула с нарочито небрежным видом и снова отпила из кружки.

Кажется, к этому напитку я даже начала привыкать – по крайней мере, после какого-то глотка передёргивать меня перестало.

Лаура вздохнула и почему-то покосилась на дверь.

– Что вы – невеста главы Стражей йонкера Маттейса ван Берга. Что он выкупил все долги вашей фамилии... И вас. – Она совсем замялась. – Мне негоже обсуждать господ. Простите.

– Если вы обсуждаете меня со мной же, в этом, верно, нет ничего предосудительного. – Я мягко улыбнулась. – Просто... столько всего случилось. Столько бед. Если ещё обо мне ходят недобрые сплетни...

Лаура неопределённо передёрнула плечами. Видно, сплетни и правда поганые. Этого ещё не хватало.

– Всё же лучше мне помалкивать, а то ещё мениэр Зангер выгонит меня с работы. А мне нужны деньги.

– Деньги всем нужны, – заметила я.

Но, что ни говори, а нарочно вытягивать из девушки те сведения, что она рассказывать не хотела, я не имела права. Раз это могло навредить ей. И не успело прийти решение, как бы узнать ещё хоть что-то, как отрывистый стук в

дверь заставил нас с Лаурой одновременно вздрогнуть.

Дверь распахнулась – и я едва удержалась от того, чтобы не закатить глаза. В комнату вошёл Хилберт ван Берг.

– Можете идти. – Он махнул рукой служанке, по-прежнему даже не глядя на неё.

И та исчезла, словно сквозняком её вынесло. Только напоследок взглянула на меня сочувствующе. Уж не знаю почему.

Йонкер прошёл в комнату, озираясь, хмыкнул каким-то своим мыслям, а потом уставился на меня, заложив руки за спину. Сырой после дождя плащ он уже скинул, как и куртку, и теперь остался в одной свободной рубашке, заправленной в облегающие его крепкие ноги штаны, схваченные на поясе широким ремнём. На нём висело оружие: увесистый меч в ножнах и с красивой рукоятью – с одной стороны, и то ли нож, то ли какой-то кинжал, чуть короче – с другой. Неслабо вооружился, идя к женщине. Так и представилось вдруг, как он рубит этими тесаками врагов. Я даже поёжилась. Слегка небрежный и усталый вид мужчины вовсе меня не успокаивал.

– Вижу, вы не удосуживаетесь спрашивать разрешения войти, – проворчала я, закончив гневно его разглядывать. – Я могла быть не одета.

– Но вы же одеты, – с обезоруживающей беспечностью парировал он. – И выглядите гораздо лучше, мейси.

Говорил Хилберт вполне мирно и спокойно. Но отчего-то меня не покидало ощущение, что он просто хочет усыпить мою бдительность.

– Да, в тёплой комнате мне гораздо лучше, чем в сырой карете. Как и оттого, что меня наконец хорошо перевязали. – Я и не хотела, а всё равно пустила в голос изрядную долю ехидства.

– Но вам было бы ещё лучше, если бы вы вовсе не пытались себя убить, – добавил Хилберт и сделал ещё несколько шагов ко мне.

Отчего-то захотелось подобрать ноги и отползти от него подальше, прижаться спиной к стене, у которой стояла постель. По пальцам одной руки можно было пересчитать те моменты в жизни, когда я робела перед мужчинами. Да и то это случилось давно, ещё в студенческую пору. А тут ничего не могла с собой поделывать. Вид вооружённого йонкера едва в ступор меня не ввел. Потому что я попросту не знала, чего от него ждать. Я вообще не знала, что может выкинуть любой человек в этом мире, куда пришлось попасть неведомо каким наказанием свыше.

- Почему вы решили, мениэр, что я хотела себя убить?

Вопрос этот мог повернуться против меня, но нужно было узнать хоть что-то.

Состроив невозмутимый и, возможно, даже нагловатый вид, я допила волрейн, что ещё оставался у меня в кружке – и постыдно поперхнулась: потому как все эти жгучие специи, которым он был приправлен, похоже, осели на дне. Мужчина смерил меня насмешливым взглядом, подхватил со стола кувшин и плеснул в другую кружку обычной воды.

Он терпеливо молчал всё то время, что я промывала охваченное жжением горло, а затем ещё и слёзы с глаз утирала.

- На самом деле я очень сомневаюсь, что вы хотели себя убить. Иначе не промахнулись бы так сильно, – продолжил он, когда я вновь подняла на него взгляд. – Да и кинжал, который был у вас в руке... Не самое обычное оружие. Я немного понимаю в письменах оудов, а на его рукояти знаки, которые очень мне их напомнили. Возможно, это ритуальный клинок. Я прав?

Знала бы я ещё, прав он или нет. И знала бы, какой ответ будет для меня самым безопасным. Пока казалось, что любой уронит прямо в пропасть. Но в памяти один за другим проносились обрывки той гонки с чудовищем, что я видела перед тем, как очнуться. Как бежала через лес, как гналась за мной огромная тварь. И холодом по спине пронеслось воспоминание о той решимости, с которой я всадила кинжал в своё собственное тело. Без страха, без сомнений. Будто обдумала этот шаг уже давным-давно. Или то была ещё не я?

- Я не помню ничего, мениэр ван Берг, – уверенно вскинула голову, глядя на него.

Пусть считает меня лгуней, но мне больше нечего было ответить. Пусть считает стервой, которая ни за что не признает своих проступков – желание притворяться идиоткой таяло с каждой минутой, что я находилась рядом с ним. В таком случае проще сказать правду и смотреть на его реакцию.

Она же оказалась на удивление спокойной. Как будто чего-то подобного он и ожидал. И даже не по себе стало от понимания: да он же насквозь меня видит. Или думает, что видит – отсюда и вся самоуверенность, презрение, которое казалось несправедливым. Да кто ж на самом деле мог сказать мне сейчас, не заслужила ли его та, чьё тело я занимала теперь?

Хилберт покачал головой.

– Как вы были подлой вралью, так, похоже, и остались. А я ведь в какой-то миг начал думать, что время могло вас изменить. – В его голосе вдруг почудилась странная горечь. – Что отец не зря потратил столько сил и денег, чтобы выкупить ваши долги. Вынуть вас из той бездны нищеты, в которую вы погружались всё сильнее. Если бы вы не были Ключом. Ценным Ключом, который поможет Ордену, то и догнивать бы вам сейчас в своём имении с протекающей крышей.

Как ни мало прояснилось что-то в голове, а всё равно на душе мерзко стало. Уж не знаю, от чего больше: от того, что владелица тела, возможно, и правда была той ещё дрянью, то ли от того, что из-за неё теперь я в огромном долгу перед Хилбертом и его отцом не только из-за спасения от смерти в лесу, но и более вероятной смерти от голода раньше.

Невыносимо захотелось схватиться за голову. Казалось, я сейчас просто с ума сойду прямо на этом месте. И угораздило же оказаться в теле не какой-нибудь пастушки, у которой только и забот, что гулять с белыми козочками по зелёным лугам и строить глазки деревенским красавчикам. Нет, меня занесло в тело обнищавшей аристократки, у которой скелетов в шкафу немерено.

– Разве я о чём-то вас просила? О какой-то помощи? – решила я пойти ва-банк.

Думала, сейчас в глазах Хилберта вспыхнет недоумение или гнев за неуклюжие попытки откреститься от всего, что было раньше.

– Нет. Конечно, нет. – Он улыбнулся так, что у меня вся спина покрылась мурашками. – Вы предпочли бы сдохнуть в своём каменном гробу, дожёвывая последнюю туфлю. Я это прекрасно знаю. И возможно, помня о том, какими проклятиями вы сыпали на голову отца, я бы поверил в ваше желание покончить с собой. Если бы не этот кинжал...

– Может, это единственное оружие, которое оказалось у меня под рукой.

Я пожала плечами и встала. Прошла мимо Хилберта и поставила пустую кружку на стол.

При каждом шаге боль вспыхивала в боку. Но гораздо больше колот пытливый взгляд йонкера. Он громко усмехнулся и подошёл со спины – близко, едва не придавливая меня к столику. Теперь другой мужчина решил нарушить моё личное пространство – нарочно, с угрозой, – но почему-то отшатнуться от него не хотелось. Я даже чувствовала тепло его тела – и что-то мне подсказывало, что подобная близость вовсе не может быть приличной.

– Можете строить из себя вдруг проснувшуюся невинность сколько угодно. Но ритуальный кинжал в вашей руке – это не случайность. И я выясню, для чего он предназначался. – Голос Хилберта стал ниже, пробрал меня до самой глубины нутра. – Вы всех доводите до беды. Не пожалели ни матери своей, ни сестры. Вы заслужили всё, что с вами случилось. И ваша деланая гордость не стоит и клока шерсти блохастой собаки.

Он отошёл, и я тут же повернулась к нему. Но увидела только, как он выходит прочь. Мелькнула его спина, широкая, сокрытая светлой тканью рубашки – и пропала. Я чуть присела на столик, едва переводя дух. Слышала о людях с сильной энергетикой, даже встречала несколько раз. Так вот у Хилберта она буквально с ног сшибала. Его бы экстрасенсу показать. Но и невероятным образом она завораживала. Если это наследственное, то встречи с его отцом приходилось опасаться больше всего.

Можно догадаться, что спать я легла в весьма разодранных чувствах. И спала, признаться, паршиво, чего со мной давно уже не случалось, потому как обычно я так уставала за день со всей этой вечной беготнёй, телефонными звонками клиенток, Антона и мамы, что едва успевала прочесть пару страниц книги, как у меня начинали закрываться глаза.

От воспоминания о маме внутри аж сжалось что-то. Было не так жаль, возможно, сорванной свадьбы, чувств будущего мужа и устроенной вполне себе неплохо жизни, как того, что я, может быть, маму больше никогда не увижу. Не то чтобы я была заботливой дочерью последние месяцы, часто звонила или приезжала, зная, что после смерти отца, пусть и ушедшего от нас много лет назад, ей приходится непросто. Да только я не слишком задумывалась о том, поглощённая собственными заботами. А сейчас от мысли об упущенном времени, которое я могла бы провести с ней, стало как-то совсем горько.

И я лежала на неудобном комковатом матрасе этого странного постоянного двора, глядя в тёмный потолок и надеясь, что вот-вот очнусь, и это закончится, но оно никак не заканчивалось. По боку то и дело пробегалась резь, но и она скоро не смогла отогнать навалившейся усталости – и я всё же уснула.

А утром вновь пришла Лаура, постучала, конечно, прежде чем войти, но я всё равно вздрогнула, когда увидела её перед собой, распахнув глаза.

– Как вы себя чувствуете, мейси? – с мягким участием поинтересовалась девица.

Я села на постели, потирая глаза и по привычке нашаривая ногами тапочки на полу. Только взяться им тут было, конечно, неоткуда, а потому я разочарованно поджала озябшие ступни.

– Гораздо лучше, чем вчера, – пробормотала, сглотнув сухость в горле. Почистить бы зубы. Интересно, у них вообще здесь чистят зубы? – Если бы не ваша забота...

И тут в голове мелькнула, как мне показалось, здравая мысль. Находиться одной среди мужчин мне было мало того что неприятно, так ещё и, наверное, не слишком прилично. Уж после гибели той неизвестной мне женщины, которая меня сопровождала из дома, йонкер не мог не задуматься о компаньонке для меня.

Лаура мне нравилась, на этой не слишком чистой работе её, скорей всего, держала необходимость – а потому я решила уже выйти из тени и начать устанавливать свои правила. Хотя бы понемногу. Без поддержки – да что уж там, – без сообщницы в этом мрачном и порой враждебном мире мне придётся совсем туго. А эта девушка почти не была со мной знакома и знала обо мне лишь

то немногое, о чём болтали сплетники. А главное – не испытывала, кажется, никакой неприязни к Паулине дер Энтин.

– Мениэр ван Берг просил вас скорее спуститься к завтраку, если вы в силе это сделать. Если нет, то я принесу вам поесть прямо сюда. – Спокойный и даже ласковый голос Лауры снимал и мои тревоги. Хоть отчасти.

Это же находка!

– Нет, со мной всё в порядке, – поспешно ответила я. – Только помогите собраться. Думаю, с вами мне это удастся гораздо скорее.

– Рада стараться. – Лаура улыбнулась. – Вы первая женщина за долгое время, что здесь появилась. А мужчины... Мужчины порой бывают совсем не вежливы. Особенно в этих краях.

– Это почему же?

– Близость Пустоши всех заставляет тревожиться.

Еще один кусочек пазла, который и не знаешь, куда прилепить на этой испещрённой дырами картине.

Лаура достала из моего сундука сорочку и коричневое шерстяное платье – в дорогу в самый раз – и помогла мне одеться.

– Простите, мейси, но я очень плохо ориентируюсь на местности, – туманно проговорила я, обтирая лицо и шею после умывания. – А после ранения так и вовсе потерялась. Где именно находится ваш городок? Кажется, я здесь ни разу не бывала.

Девушка усмехнулась.

– Конечно, не бывали. Вы же едете в Волнпик, а он лежит на самой окраине нашего антрекена – на границе с Пустошью. А мы – как раз недалеко, в сутках пути от него вдоль Гряды. Здесь живут почти одни только Стражи с семьями, если те у них есть. Недалеко один из гарнизонов Ордена.

– Да уж, гостить там мне ещё не приходилось, – пробормотала я рассеянно, почему-то уверенная, что Паулине и правда раньше не бывала в этом загадном Волнпике. Непохоже было, чтобы с ван Бергами, да и вообще Стражами она дружила. Хотя могло случиться всякое.

– Здесь порой очень тоскливо. Особенно по осени. И опасно. Твари, бывает, прорываются через брешь.

– А вы не хотели бы поехать со мной? – вдруг смело предложила я, даже не предполагая реакцию девушки на свои слова.

Может, это вообще покажется ей неподобающим. Но теперь мне приходилось порой действовать и говорить на свой страх и риск. Не отмалчиваться же постоянно. Но, вопреки моим опасениям, Лаура вдруг перестала протирать полотенцем стол и посмотрела на меня недоверчиво.

– А вы можете взять меня с собой?

– Могу, – уверенно заявила я, хоть понятия не имела, получится ли это на самом деле.

Что ж, придётся теперь донимать Хилберта, пока не сдастся. Возможно, удастся помереть раньше, чем это случится.

Только дожидаться, пока я спущусь к завтраку, йонкер не стал. Пришлось наведаться в его комнату, которая оказалась и правда гораздо чище и просторнее моей, да ещё и убрана побогаче. Вот же жук здешний хозяин. Как его? Мениэр Зангер. Ведь ван Берг попросил лучшую комнату для меня. Впрочем, ладно. Ночь прошла не так и плохо, если отбросить бессонницу.

Хилберт, уже собранный в дорогу, внимательно выслушал моё предложение взять Лауру в качестве компаньонки, поразмыслил над ним немного – и совершенно неожиданно согласился.

– Вам и правда не помешает женское сопровождение, – проговорил безразлично, отворачиваясь, словно видеть меня слишком долго было для него тем ещё мучением. – Я договорюсь с мениэром Зангером. Думаю, он отпустит девушку

без возражений. Пусть собирает вещи, если ей есть что собирать.

Окрылённая маленькой победой, я вернулась к себе. И совсем скоро мы снова тронулись в путь. Кроме Лауры, в карету ко мне снова сел Алдрик и тут же оглядел девушку так хмуро, что та едва в комок не сжалась.

Свежие лошади несли карету быстро, всадники всё так же окружали её, как будто опасались, что на нас кто-то ещё нападёт, либо что я могу выброситься из экипажа на полном ходу. Думается, в глазах ван Берга обе эти возможности казались одинаково вероятными. Но бежать мне не было никакого резона. Как ни крути, а до имения своего, прости господи, будущего мужа надо было добраться. Там разузнать что-то будет гораздо больше поводов, если меня сразу не запрут где-нибудь.

Я смотрела в окно на ровную полосу бескрайнего осеннего поля, которым сменился мрачноватый лес после Моссхила, и пыталась поверить и осознать то, что случилось. Эти размышления и тревожили, кажется, но и сменялись постепенно пустотой безысходности. Я ничего не знаю. И как ни мало я раньше поддавалась течению жизни, позволяя ему нести меня абы куда, а сейчас просто не было другого выхода.

Я вздрогнула от истошного ржания лошади. Мужчины, которые всё это время спокойно переговаривались, вдруг заговорили громче.

– Мениэр ван Берг! – воскликнул кто-то из них.

Беспорядочный топот копыт сменился глухим стуком упавшего тела. Карета остановилась. Алдрик вскочил с места и вывалился наружу, едва не сорвав дверцу кареты резким ударом по ней.

– Что с ним? – рявкнул так, что Лаура вздрогнула.

Я быстро перебралась по дивану к распахнутой дверце и выглянула наружу. Хилберт лежал у ног тревожно переступающего на месте коня, показалось, совсем бездыханный. Но я моргнула несколько раз и всё же увидела, что грудь его вздымается мелко и часто, как будто он запыхался. Распахнутые глаза его смотрели перед собой, опрокинутые будто бы в какую-то темноту.

– Он просто упал, – растерянно пробормотал один из мужчин.

Они один за другим спешили и подходили ближе. Только кучер оставался на своём месте. Алдрик опустился на колени перед йонкером, склонился, всматриваясь в его лицо. Приложил ладонь к его лбу, чуть надавил, задержал соприкосновение – и разомкнул резко.

– Дерьмо, – выругался сквозь зубы.

А тело Хилберта вдруг скрутило одной большой судорогой. Он выгнулся, а потом скорчился, и по коже его пополз нехороший иссиня-серый оттенок.

Алдрик обернулся и вперился в меня почти безумным взглядом. Встал резко, и я только успела заметить, как протянул руку. Крепкие, будто стальные, пальцы вцепились в запястье. Рывок – и я едва кубарем не слетела со ступенек экипажа. В боку снова пыхнуло острой болью.

– Что вы делаете?! – возмутилась, пытаюсь мыслями поспеть за движениями мужчины.

– Вы Ключ Воли. Успокойте его.

Алдрик схватил меня за шею ниже затылка и толкнул вниз.

Больно натянулись распущенные по спине волосы. Я неловко качнулась вперёд, взмахнув руками. Мужчина надавил сильнее – и я рухнула на землю рядом с ван Бергом, едва успев опереться в неё ладонью.

– Я не понимаю!

Стражи зашумели, кажется, осуждая меня. Но я и правда совсем не понимала, что от меня хотят. Как я должна успокоить Хилберта, который сейчас походил на эпилептика в буйной стадии? Алдрик присел рядом, вцепился в меня яростным, недоумевающим взглядом.

– Вы издеваетесь?

Я не издевалась ни капли – и от этого мне становилось до икоты жутко. Алдрик смотрел на меня с ожиданием и злостью. Они все смотрели так, будто я должна была на их глазах обратить воду в вино. Они были уверены, что я умею это делать.

– Я не та, за кого вы меня держите, – сорвалось с губ раньше, чем я успела осознать. – Не Паулине дер Энтин.

Это могло обернуться катастрофой. Или концом света – не знаю. Но Алдрик приподнял бровь и оглянулся на кого-то из мужчин.

– Не пытайтесь выкрутиться. – Он схватил меня за плечи, встряхнул так, что под рёбрами будто серпом резанули. – Это не потребует от вас больших усилий. Лёгкое воздействие. А намеренно навредите йонкеру, и Маттейс с вас шкуру спустит. Сначала заберёт то, что купил, а после спустит. Кусками.

Громкий стон извивающегося на земле Хилберта заставил на него взглянуть. Его черты как будто расплывались, искажались, принимая другие формы. Сердце толкалось в груди рвано и так быстро, что казалось, будто и я сейчас рухну в конвульсиях рядом с йонкером.

По-прежнему не приходило понимание, что я вообще должна сделать. А мои слова о том, что я не Паулине, Алдрик и вовсе как будто не услышал – и, наверное, сейчас я была этому уже рада. Повинуясь какому-то смутному наитию, я опустила руки на судорожно вздымающуюся грудь Хилберта, ощущая сквозь одежду, насколько тверды его напряжённые мышцы. Провела вверх, удивляясь тому, что и правда будто почувствовала что-то. Словно натянутую внутри его струну, которая лезвием резала его на части, рушила преграды. Пальцы пробежались по раскалённой коже его широкой шеи вверх – по щекам, по изгибу резких скул. И только сейчас, в этот миг, я поняла, насколько он красив. Несмотря на то, что лицо его было изломано страданием.

Чтобы не отвлекаться, прикрыла веки. Йонкер вздохнул рвано и задышал как будто спокойнее. Я остановила ладони на его висках, чуть надавила пальцами – и огненная струна ослабилась. Хилберт замер, неподвижно распластавшись на земле.

А затем вдруг дёрнул головой, сбрасывая мои руки. Я открыла глаза и опустила на него взгляд. Жутковатый цвет кожи сошёл – теперь он был просто бледным. Мы смотрели друг на друга несколько мгновений. Пережитая им боль колола меня, ранила изнутри грубой наждачной бумагой. Всё шоркала и шоркала до крови. До ссадин. А Хилберт молчал. И всё ведь понимал: что я ему помогла – но, похоже, даже одно слово благодарности было для него сродни насилию над собой.

– Этого вы от меня хотели? – Я повернулась к Алдрику, вставая.

Кто-то из собравшихся кругом мужчин поддержал меня под локоть.

– Этого, – согласился тот. – И ни к чему было истерить и отпираться.

– Кто из нас двоих тут истерил, так это вы.

Я выдернула локоть из мягкой хватки чужих пальцев и вернулась в карету.

Пусть дальше разбираются со своим припадочным йонкером сами! Но прежде чем совсем скрыться в недрах экипажа, я обернулась и встретилась взглядом с Хилбертом, который уже сел. Тот дёрнул желваками и отвернулся, отмахиваясь от поданной ему одним из соратников руки.

Лаура уставилась на меня испуганно и недоверчиво, но благоразумно не стала отпускать никаких комментариев. Думается, её это всё касалось в последнюю очередь. Зазвучал тихим рокотом хриплый голос ван Берга – и от него по спине понеслась прохладная дрожь. Я устроилась на сиденье удобнее, ожидая возвращения Алдрика, и только после этого осознала, наконец, что случилось. Ведь и правда смогла остановить странный и пугающий приступ Хилберта. Что самое интересное – толком не поняла, как такое произошло. Словно не владела собственным телом – хотя надо признать, что оно ведь и правда не моё. Но как будто из подсознания вырвалось что-то, что помогло мне справиться с задачей. Вот уж верно говорят: глаза боятся, а руки делают.

Скоро мужчины снова расселись по лошадям. Резкий приказ уже совсем пришедшего в себя Хилберта тут же заставил всех тронуться с места. Алдрик заскочил в карету уже почти на ходу. Плюхнулся на свое место и, обдав меня кипящим взглядом, отвернулся.

Глава 3

Я уставилась в окно бездумно, не желая обсуждать сделанное ни с Алдриком, ни с самой собой. Вид за окном кареты, однообразно бесцветный и ровный, как проведенная бурой краской по листу полоса, успокаивал, даже убаюкивал. Похоже, здесь почти всегда скверная погода на грани ненастья. Так же, как и вчера, тянулись туго сбитые тучи по небу. Дождь то ли накрапывал, то ли нет: не разобрать в прозрачной мути. Но скоро что-то начало неуловимо меняться. Будто изогнулся горизонт. То лежала по обе стороны от дороги ничем не примечательная равнина с редкими островками деревьев вдалеке, а тут вдруг выросли срезанные будто бы огромным садовником верхушки горной гряды. Она всё увеличивалась, приближалась, наползая на сумрачное небо. Мелкие жёлтые цветы, что росли на лугу у подножия гранитных громад, выглядели совсем беспомощно на их фоне. Да и я почему-то почувствовала себя такой же маленькой и слабой.

Нет, Поля, надо собраться! К тому же ты, похоже, обладаешь здесь немалыми силами, а потому можно подумать, как они могут пригодиться. Знать бы ещё их суть...

Но в груди и вовсе что-то дрогнуло и затряслось, словно листок на ветру, когда я разглядела, что на вершине неровного холма, который окружали по обе стороны горные стены, стоит замок – издалека его можно было принять за каменный пик. Высокая башня его тонула в низких тучах, которые как будто закручивались вокруг её вершины водоворотом, в стороны уходили массивные стены с рядами небольших окон. Они тянулись застывшим водопадом и сливались с опорой холма, который и держал его на себе. А потому казалось, что эта махина выросла прямо из него.

– Это Волнпик, – раздался у меня над головой мужской голос.

Я перевела взгляд на Алдрика. Тот разглядывал меня спокойно и внимательно, видно, увидев замешательство и восхищение на моём лице. И что можно было сказать на это? Что я таким его себе и представляла? Или никогда не видела ничего подобного? Может, здесь каждый второй замок такой – и нечему

удивляться. Но в глазах Алдрика стояло настолько странное выражение, что миг стало понятно: Волнпик такой один. И, думается, возможность попасть сюда нельзя расценивать как самую большую удачу в жизни.

Лаура тоже застыла, приоткрыв рот, почти высунув голову в окно. Похоже, и она бывала здесь впервые, даже мимо никогда не проезжала, хоть и жила не так далеко.

Дорога понеслась прямо к подножию холма. Лихо изогнулась, взбираясь на него совершенно немыслимым образом: никакого пути к замку издали разглядеть не удалось. А он, оказывается, был, только скрытый каменными выступами и чахлыми, поросшими по краю обрыва кустами, которые едва цеплялись корнями за ненадежную опору. От того, как качалась и вертелась по витиеватой тропе карета, меня начало мутить. Помнится, на серпантине по дороге в Сочи когда-то было то же.

Я откинулась на спинку, стараясь дышать глубоко и ровно, но так и чувствовала, как ползёт по лицу зелень. Скучный полдник, который случился уже довольно давно, опасно закачался в желудке. Того и гляди попросится назад.

– Вам нехорошо, мейси? – обеспокоенно спросила Лаура.

Кажется, она чувствовала себя нормально, как и Алдрик. Я улыбнулась и махнула рукой: мол, не стоит беспокоиться. Сказала бы хоть слово – и меня точно вырвало бы. Слава богу, скоро эта пытка закончилась, и карета в сопровождении всадников въехала через огромные, как для слона, ворота на широкий, огороженный со всех сторон высокими стенами двор. Интересно, зачем такая защита замку, который стоит один, как перст, среди безлюдных просторов, зажатый со всех сторон горами?

Пустой, казалось бы, двор тут же ожил. Высыпали, словно горошины из прорвавшегося мешка, слуги. Захлопотали вокруг вещей, что были закреплены на запятках кареты. Будто сами по себе открылись дверцы. Первым вышел Алдрик, помог спуститься Лауре с той стороны, что была скрыта от крыльца. А передо мной возникла уже знакомая ладонь Хилберта. Наверное, он сам решил проконтролировать, не затерялась ли я где-то в недрах экипажа. Какой тягостный надзор.

От мысли, что придётся дотронуться до его руки, внутри что-то дёрнулось. Слишком свежими были воспоминания о соприкосновении с его кожей недавно. И, наверное, я боялась вновь ощутить нечто подобное. Да куда денешься. Пришлось принять помощь, но как только я спустилась, тут же высвободилась из его хватки. Придержала подол тяжёлого шерстяного платья и подняла голову к пику башни замка, который было видно и отсюда. И в то же время не видно – за тяжёлым маревом туч.

– Впечатляет? – Хилберт не поторопился уйти и проследил за моим взглядом. – Все в нашем антрекене и далеко за его пределами хоть раз в жизни да слышали о Волнпике. Но никто не хотел бы увидеть его воочию. А уж тем более поселиться здесь. Наверное, и вы молили Хельдера Светлого, чтобы никогда здесь не оказаться. Верно?

Я медленно повернулась к нему и наткнулась на холодную улыбку не только на его губах, но и в глазах, вокруг которых вдруг обозначились мелкие морщинки. Он издевался и упивался тем, что мне нечего было на это ответить. Только не знал причину, по которой на самом деле я хранила молчание.

– Я никому не молилась, – словно кто другой сказал за меня. Но взгляд Хилберта, такой возмутительно снисходительный и ехидный, просто не дал мне возможности оставить его слова и вовсе без внимания. – Просто не думала даже, что когда-то здесь окажусь. Знаете, а вы с ним похожи, мениэр ван Берг.

– И чем же? – Он, кажется, даже слегка удивился.

– Выглядите солидно и гордо. А на самом деле всего лишь одинокая куча камней на краю мира. И пока доберёшься до вашей сути – стошнит десять раз.

Он рассмеялся, чем поверг меня в состояние, близкое к шоку. Я, признаться, уже успела подумать, что этот мужчина смеяться вообще не умеет. И даже простая улыбка вызывает у него физическую боль. Его лицо невероятным образом преобразилось – и даже дыхание перехватило от того, как он был хорош в этот миг. Бывают люди, которые лучше бы вообще не смеялись никогда, а бывают такие, которыми можно любоваться. Так вот, Хилберт ван Берг неожиданно для меня оказался из последних. Я стояла, наверное, как идиотка, не сводя взгляда с него и не понимая: да что такого случилось, что меня так пришибло? Но йонкер смолк – и всё волшебство осыпалось. Снова его взглядом можно было

замораживать рыбу. Причём замораживать очень быстро.

– Любопытное сравнение, мейси, – снова заговорил он серьёзно. – Может, вы и правы. Я стал похож на этот замок отчасти. Потому как жил в нём довольно долго, и в черты моего характера и во внешний вид легли следы этого места. Волнпик способен менять людей. Этого у него не отнимешь. Но оказался я здесь вместе с отцом по вашей прихоти, если время ещё не стёрло милостиво сей эпизод из вашей памяти. Оказался несправедливо. За что и вам досталось возмездия.

Да что я вам сделала? – так и бился в голове вопрос. И как ни хотелось его задать, а приходилось молчать снова и снова.

– Хилберт! – Сочный басовитый возглас оборвал напряжённую нить нашего с йонкером зрительного контакта, когда мы, кажется, уже сожрать друг друга готовы были. – Вижу, ты не слишком-то торопишься оказать аарди дер Энтин подобающее гостеприимство. Все уже внутри, а вы всё ещё стоите здесь. Начинается дождь. Промокнете.

Я повернулась к мужчине, который подобрался к нам так незаметно. Но, наверное, просто мы с Хилбертом не способны были ничего замечать, оглохнув и ослепнув на эти несколько мгновений.

Да тут пришлось опешить ещё больше – от силы тяжёлой харизмы, что ударила меня в грудь, как только я увидела очередного незнакомца. Не зря опасалась его. Вот не зря! Мне даже не надо было представлять того, кто стоял сейчас передо мной. Высокий и широкоплечий, породистый: каждая твёрдая черта его лица выдавала древность рода и силу крови. Я ничего в этом не смыслила, но чувствовала всеми трепещущими фибрами души. Несмотря на то что мужчина уже шагнул за черту среднего возраста, ему удалось сохранить и отличную фигуру, и аристократичную статью. Волосы с лёгкой проседью касались плеч, подчёркивая ненастное чернёное серебро глаз – таких же, как и у сына. Пожалуй, он мог бы сойти за тайную мечту порядочного количества девиц-любительниц-постарше-и-поопытней. В общем, даже близорукий сразу распознал бы в этом человеке отца Хилберта – Маттейса ван Берга.

– Мениэр ван Берг, – неведомо как сориентировалась я и даже поклонилась немного, стараясь всё же выказать ему уважение, хоть и не представляла, как

он сам относился к Паулине, а значит, и ко мне.

К моему облегчению, похоже, старший ван Берг не испытывал к своей невесте такой страшной неприязни. А может, просто старался быть вежливым – и это порядочно злило его сына.

– Мейси дер Энтин. – Он тоже наклонил голову. – Мы, кажется, уже договорились: ввиду того, что вы моя невеста, я могу называть вас просто Паулине.

– Запомню, простите. – Я улыбнулась натянуто и шагнула вперёд.

Маттейс сразу подхватил меня под локоть, сжал слегка и направил коротким толчком дальше, весьма отчётливо давая понять, кто здесь хозяин. Не семья, а львиный прайд какой-то. Я и хотела вырваться, но пока не стала. Чтобы понять, как вести себя дальше и какие возможности у меня есть для освобождения, нужно узнать отца и сына ван Бергов получше. А присматриваться удобнее всего из засады. И не глупить, чтобы не усложнить своё положение ещё больше.

Хилберт, кажется, постоял ещё немного позади, а потом пошёл следом, сохраняя дистанцию. Маттейс проводил меня до огромной двустворчатой входной двери, украшенной красивой выпуклой резьбой. Я успела разглядеть её совсем немного: на ней были изображены какие-то сцены охоты или сражений – а затем оказалась в сумрачном и чуть промозглom нутре замка.

В каменном чудовище под названием Волнпик оказалось совсем не уютно. Не сказать, что я слыла особой впечатлительной и склонной к фантазированию, но будто почувствовала недобрую волю замка, только ступив через его порог. Словно он не был рад вообще никакому живому существу, что в нём обитало. Хотелось заскулить, как напрудившему лужу щенку, и спрятаться под креслом. Только воля так же держащего меня под локоть Маттейса ещё удерживала от столь постыдного и эксцентричного побега.

– Можете чувствовать себя здесь как дома, – с лёгкой улыбкой в интонации проговорил старший ван Берг, слегка ко мне склонившись.

Казалось, он хотел, чтобы это услышала только я, да идущий следом Хилберт громко хмыкнул, и даже представилось ясно, как страдальчески закатил глаза.

Я взглянула на Маттейса с громадной долей недоверия: шутит или правда считает, что здесь вообще можно ощущать себя на своём месте? Каменные серые стены Волнпика как будто раздавить хотели – какой уж тут дом... Но в глазах йонкера почудилась злая насмешка: зря я даже на миг поверила в то, что он относится к Паулине с большей благосклонностью, чем сынок. Он такой же. Ровно такой же, как и тот – только научился прятать истинные чувства за маской приветливости. Научился быть мудрее и терпимее, но если приглядеться – те же мысли и тот же пренебрежительный взгляд.

– Вряд ли я когда-то смогу себя здесь почувствовать своей. – Я усмехнулась, поняв вдруг, какие отношения связывали владелицу тела с обоими мужчинами дома ван Бергов.

– Это будут исключительно ваши проблемы, – раздался за спиной голос Хилберта.

Вот уж лучше бы помолчал. Я хотела ответить что-нибудь уничтожающее, но младший ван Берг наконец свернул в каком-то переходе замка и избавил меня от своего присутствия. Правда, легче стало не слишком.

– Думается, выбора у меня уже нет... – вздохнула я, выждав трагическую паузу.

– Почему же? – Издёвка в тоне Маттейса стала отчётливой. – Только, думаю, аукцион для вас – перспектива не лучшая, чем стать моей женой добровольно и хотя бы попытаться прижиться в этом доме, – уже мягче добавил он. – Повторюсь, вы очень ценный для всех, и в том числе для Короны, Ключ. Разве хочется вам стоять, как на рынке, и продавать себя какому-то Стражу наряду с девицами, что несут в себе только жалкие крупички Знака?

Я почти застонала от тяжести новых знаний. Из его слов не удалось понять почти ничего. Только то, что, откажись я от свадьбы с ним, меня продадут, как какую-то вещь – и ещё неизвестно, куда я попаду.

Мы прошли по обширному залу из одной части замка в другую – их отделяли друг от друга массивные двустворчатые двери. Навстречу нам не раз, кроме слуг, попались и мужчины, судя по виду – Стражи. Если я научилась распознавать за время пути в Волнпик. Любопытно, откуда им взяться здесь в таком количестве? Неужто охраняют семейство ван Бергов?

– Почему здесь так много Стражей? – не удержалась я от вопроса.

Маттейс проводил взглядом очередного мужчину, который почтительно ему поклонился, и пожал плечами, будто в этом не должно быть ничего удивительного.

– Последнее время брешь пропускает всё больше тварей. Потому сюда стянуты многие силы. Конечно, не многим хочется служить в Волнпике. – Он усмехнулся одним уголком рта. – Но деваться сейчас некуда. Не беспокойтесь, вашей сохранности среди них ничего не угрожает.

– Вы говорите так, будто это сброд, а не воины. – Пренебрежение в голосе Маттейса меня только насторожило.

Ещё не хватало всегда находиться среди толпы сомнительных личностей. Никто из Стражей в пути не причинял мне вреда. Даже Алдрик с его эпизодической грубостью. Но сейчас я чувствовала себя единственной женщиной в казарме. Нервирует, знаете ли.

– Не все из них – сброд. Но Хельд Милостивый, когда наделяет кого-то способностями Стража, не всегда даёт в довесок благородство.

– Вы считаете, что другие Стражи хуже вас, мениэр? – Надо было двигаться по намеченной дорожке, чтобы лучше понять своё положение в этом неприветливом мире. – Что никто из них не достоин получить такие силы, что заключены во мне?

Толком я не знала, о чем говорю, но пыталась нащупать верное направление.

– Нет Стражей хуже или лучше. – Йонкер пожал плечами. – Иначе они не были бы Стражами. Но тратить свой дар на того, кому он не принесёт большой пользы... Согласитесь, это расточительство.

Мы прошли по узкому ходу до винтовой лестницы, тесной и крутой, и едва уместились с широкоплечим Маттейсом на ней рядом. Он наконец выпустил мою руку и двинулся вперёд, то и дело на меня оглядываясь.

– Вы считаете, что сможете применить мой дар лучше? – слегка поразмыслив над тем, как сформулировать вопрос наиболее нейтрально, вновь заговорила я.

– Вы же знаете обстоятельства семьи ван Бергов не хуже меня самого. – В его голосе скользнула первая тень подозрительности. В затылке у меня похолодело. – Видит Хельд Благословенный, я позабыл бы о вас и о том, как сильно вы оскорбили меня в своё время. Как унизили и оболгали. Но сейчас вы не можете не признать, что мы нужны друг другу.

– Вы поставили меня в вынужденное положение! – совершенно искренне воскликнула я и, кажется, попала пальцем в небо.

Маттейс скривился, чуть повернув голову ко мне.

– Я выкупил ваши долги, да. Не дал зачахнуть. Чем наложил на вас определённые обязательства. Не совсем приятные для нас обоих. Но вы вовсе не рабыня. Вы станете моей женой. И, как бы то ни было, это лучшая доля из тех, что вас ждали дальше.

– Я с этим поспорила бы, – всё же буркнула напоследок.

Да только пререкания на сей раз пора было заканчивать – иначе, не ровён час, мои не слишком деликатные заявления наведут старшего ван Берга на нехорошие мысли.

Мы наконец поднялись на второй этаж замка и вывернули в другой ход. Скоро оказались на полукруглой площадке, куда выходили двери нескольких комнат. Наши шаги гулко разнеслись по ней, прокатились под высоким угловатым сводом, неожиданно расписанным потускневшими и чуть растресканными от времени фресками. Хотя лучше было бы их не рассматривать – можно нажать кошмары. Хтонические чудовища вперемешку с закованными в латы воинами – не самое лучшее убранство для женской части замка. Если она вообще здесь существовала как таковая.

Одна из дверей тут же отворилась, и в проёме показалась молодая девушка, которая отчего-то сразу напомнила мне ромашку. Сияющая и изящная, словно полупрозрачный цветок на солнце: такие же пепельные, как у Хилберта, волосы – только чуть светлее, ясные голубые глаза и лёгкие веснушки на бледноватой

коже, которые я разглядела даже на расстоянии. Она была простоватой, но привлекающей к себе внимание тут же.

За ней высунулась строгая и чопорная женщина с высоким пучком седоватых волос и забавными завитыми локонами у висков. Она глянула на йонкера, после – на меня и снова скрылась в комнате. Похоже, кто-то вроде компаньонки. А может, какая-то бабушка?

– Отец! – воскликнула девушка. Похоже, детям разрешалось обращаться к родителям без титулов и прочих условностей. – А я пропустила возвращение Хилберта. Надо же...

Она вышла к нам быстрым шагом, разглаживая подол свободного платья горчичного цвета, и тут же уставилась на меня – со спокойным любопытством человека, которому плевать на все мои возможные провинности перед их семьёй.

– Ничего удивительного, – усмехнулся Маттейс, обнимая её за плечо и чуть встряхивая. – Если бы ты почаще отрывалась от своих холстов, то замечала бы гораздо больше. Например, то, что не вышла сегодня к завтраку.

Девушка смущённо посмотрела на свои руки – и тут только я заметила, что они выпачканы красками, хоть она и пыталась их оттереть перед тем, как выйти из комнаты. Так и распирало спросить, как зовут дочь Маттейса, но меня останавливало то, что я, возможно – и даже скорей всего, – должна это знать.

– Позвольте представить вам, Паулине, мою дочь Дине. – Йонкер широко улыбнулся, сбросив притворную строгость. – Вы ведь раньше не встречались. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Опять шпилька в мою сторону – захотелось схватить Маттейса за грудки и, хорошенько встряхнув, прямо спросить, что я ему сделала. За что он так меня ненавидит, а заодно и его сын тоже. Но я лишь одарила его красноречивым взглядом, который должен был, по моей скромной задумке, отправить его в далёкие дали Прованских лугов. Жаль только, он не знал, что это такое. И, похоже, мне это удалось – мужчина ответил мне тем же.

– Я очень рада с вами познакомиться, мейси, – тут же сгладила мгновенное напряжение Дине. – Папа, позволь мне сопроводить Паулине дальше в её комнату. Она, верно, устала с дороги. Принесут её вещи, и я помогу ей разобрать их. Мы познакомимся поближе.

Судя по всему, йонкери просто хотела меня от него спасти. Маттейс не поддался, взглянул на дочь со снисходительной теплотой: видно, мало в чём он мог ей отказать. Но всё же покачал головой.

– Пойди пока хорошенько отмой руки, а то, боюсь, аарди дер Энтин просто не допустит тебя до своих вещей. А мы ещё перемолвимся с ней парой слов.

Девушка кивнула неохотно и скрылась в своей комнате, а йонкер распахнул передо мной другую дверь. Как раз слышались голоса на лестнице: видно, за нами уже поспевали слуги. Где-то там должна быть и Лаура.

Но как только дверь закрылась за нами, не успела я ещё оглядеться в своих освещённых десятком свечей покоях, как стальная твёрдость широкой мужской ладони припечатала меня к мощному телу Маттейса. Вспыхнуло в незажившем ещё боку болью. Неизвестно, что йонкер позволял себе с Паулине раньше, но тут меня едва не подкосило от того, как решительно и по-хозяйски его губы накрыли мои. Я совершенно ничего не успела сообразить. Но это был не тот поцелуй, который срывает пылкий влюблённый украдкой – это был знак власти и подчинения. Указание на то, где моё место. Меня захлестнуло той самой особой силой, которую я уже почувствовала в Хилберте, – она и правда способна была смять кого угодно. Но неведомо как внутри разросся будто бы некий щит, упругий, отгораживающий от перемалывающей всё в фарш воли Маттейса.

Я упёрлась ладонями в его грудь и толкнула что было силы. Он, наверное, мог меня удержать, но отступил. И тут же вытер губы тыльной стороной ладони.

– Не смейте, – выдохнула я, делая ещё шаг назад. – Не смейте больше так трогать меня!

– Хорошо... – неожиданно довольно выдал Маттейс с загадочным видом знатока, испробовавшего редкое вино. И, кажется, это слово означало вовсе не согласие с моим требованием. – Я в вас не ошибся. Большой потенциал. Не зря заплатил приличную сумму. Правда, не знаю, что вы напридумывали себе в дороге,

мейси. – Он жёстко усмехнулся. – Но вы ведёте себя несколько странно нынче. Трогать вас я буду так, как мне заблагорассудится. Уж будем откровенны: я купил вас и всё, что у вас под юбкой, – тоже. Всё это не слишком мне нравится. Но давайте хотя бы попробуем привыкнуть. Всё ж впереди брачная ночь.

Вот это прекрасно! О ней-то я и забыла. Свадьба – не самая большая беда, учитывая, что тело «казённое», и Маттейс, будем честны, не самый плохой вариант мужа – хотя бы внешне. Иные, может, и позавидовали бы. Но вот ложиться в постель с незнакомым мужчиной – это верх того безрассудства, на которое я даже в пору беззаботной и порой разгульной юности не могла пойти.

– Спасибо, что напомнили, – едва не прошипела.

Умела бы плевать ядом, как кобра – ей-богу, плюнула бы ему прямо в его бесстрастные, как куски гранита, глаза. Маттейс внезапно улыбнулся и отступил на пару шагов – даже вздохнуть захотелось облегчённо.

– Не беспокойтесь, всё будет быстро. – Показалось, он сейчас подмигнёт мне. – У меня нет никакого желания задерживаться с вами в постели. Но пока оставим это. Теперь вы можете готовиться к свадьбе. Уж это женщины любят делать?

Рассказала б я ему тонкости подготовки к свадьбам, да он, наверное, не оценил бы моих познаний в этой сфере. Пришлось только зубы стиснуть, чтобы не выдать ещё какую необдуманную дерзость. На счастье, дверь в комнату распахнулась, и двое слуг внесли внутрь мой, признаться, небогатый багаж. За ними вошла и Лаура с важным видом той, кто отвечает за все вещи госпожи и за все её удобства.

– Это кто такая? – с лёгким недоумением осведомился Маттейс.

– Моя компаньонка, если хотите, – мстительно бросила я. – Будет мне помогать.

Не всё здесь будет зависеть только от его желаний и велений. Пусть привыкает. Йонкер хмыкнул, оглядывая служанку. И вся горделивость тут же слетела с неё. Лаура быстро поклонилась ему, присев в реверансе – и йонкер вышел, не удостоив её ни малым приветствием. Кто бы сомневался: он воспитал своего сына подобным себе.

Вот же высокомерные мерзавцы. И с ними мне придётся жить в одном доме неизвестно сколько!

Впрочем, служанка, кажется, ничуть не обиделась на пренебрежение хозяина дома: как ни в чём не бывало начала разбирать мои вещи. Для начала я осмотрелась в комнате, которая теперь, видимо, принадлежала мне. Она оказалась вполне просторной, но неуютной: стиль лофт, особенно средневековому, мне определённо не ложился к душе. Частично стены были отделаны деревом, но кое-где проступала и каменная кладка. Небольшие вытянутые окна с мутными стёклами, массивная, благо что резная мебель – хоть это немного скрашивало её аскетичность. Огромное, как для великанши, трюмо, дров от которого, если решить сжечь его в камине, хватит на месяц. Круглая кованая люстра под высоким сводом на десяток-другой свечей, сейчас мрачно тёмная и холодная. Правильно, кому охота лезть на такую верхотуру, чтобы её разжечь. Одно радовало: широченная кровать. Вот люблю большие кровати, по которым нужно составлять карту, чтобы не заблудиться.

Вдоволь наглядевшись на свои – страшно сказать – покои, я перевела взгляд на Лауру, которая молча и деловито опустошала мой сундук и раскладывала платья на постели, критично их оглядывая. Казалось, ничто не может вывести её из равновесия: ни приезд в Волнпик, ни пренебрежение хозяев замка. Один вопрос так и завертелся на языке, как шипучка, раздражая. Надо же дальше прощупывать это болото, куда я угодила.

– Вас не смущает то, что оба ван Берга презирают вас? – всё же решила спросить.

Лаура, кажется, не сразу поняла, что я обращаюсь к ней, увлекшись вдумчивым делом. Она покачала головой, расправляя на постели очередное платье – надо сказать, весьма унылого вида – и только после этого спохватилась.

– Они не презирают меня, – пожала плечами. – Просто у Стражей, особенно высших рангов, другой взгляд на женщин.

– И какой же?

Я присела на край кровати, поморщилась от того, как резануло в раненом боку. Надо бы посмотреть, что там. Кажется, мне становилось хуже. Особенно после

небрежной хватки Маттейса.

– Они видят Ключи. – Лаура покосилась на меня удивлённо, будто это было очевидным. – А те, кто не несёт в себе Знака, для них совсем не так интересны. Просто женщины. Просто ходят рядом.

– Да неужто? Разве Ключей хватает на всех? Как же они женятся?

– Нет, – согласилась девушка. – На всех не хватает. Но раньше все Стражи брали в жёны только отмеченных Хельдом. Сейчас и других тоже. Вот как мениэр Хилберт ван Берг. Невеста у него обычная девушка. Хоть и знатная.

Да ладно! У этого камня ещё и невеста есть. Я уж думала, такие, как он, прозябают едва не всю жизнь в одиночестве. А если и женятся, то лишь для того, чтобы продолжить род. А тут ты посмотри... Хотелось бы на неё взглянуть. Из чистого любопытства: может, это садовая статуя?

– Да, я что-то о ней слышала... – покивала рассеянно.

И больше ни о чём расспрашивать Лауру пока не стала. Всё со временем выяснится. А слишком много вопросов зараз могут показаться подозрительными. Другое дело, что надолго задерживаться тут мне вовсе не хотелось. От этих размышлений хотелось выть или бить посуду. Они явственно давили, метались иногда беспорядочно вперемешку с паникой. Я не могу выйти здесь замуж! Это бред сивой кобылы!

В боку снова пробежалась острая резь. Я не удержала стона и согнулась, прижимая ладонь к раненому месту. Лаура всполошилась.

– Я попрошу, чтобы к вам прислали лекаря.

И не успела я ничего на это ответить, как она умчалась, бросив мои наряды и порядочно хлопнув дверью.

Вообще плохо соображая, что делаю, я стянула с себя платье и задрала до груди сорочку под ним. Опустила голову, ощупывая перевязь, которую Лаура меняла мне утром, перед отъездом с постоянного двора. И даже такое касание заставило

все внутри сжаться от вспышки боли.

- Не трогайте, вы что?! - Возмущённый возглас настиг меня от двери.

И тут же вспыхнула в голове мысль: да что сделала такого? Повернулась, даже не пытаюсь прикрыться, и только успела проследить, как ко мне подошёл невысокий лысоватый мужчина и быстрым взмахом руки откинул мою ладонь от перевязи. А я неожиданно хмыкнула: уж за эти дни настолько насмотрелась на здешних плейбоев, что этот дядька - по-другому и не скажешь - показался до жути настоящим. Как будто даже из моего мира выскочил. Только одежда не давала забыть, что он всё же местный: свободная синяя хламида до колен, безрукавка с витиеватой вышивкой по канту и уже знакомым гербом, который я видела на дверце кареты, - слева на груди. Ну прямо почти Гарри Поттер постсреднего возраста. Только очков не хватает.

- Добрый вечер, мейси, - уже принявшись распускать мотки длинных обрезков ткани, поприветствовал меня мужчина. - Я мениэр Геролф Видбри, лекарь семьи ван Бергов.

Неизвестно почему, но я спокойно позволила ему трогать полуголую себя ещё до того, как он представился. Закралось подозрение, что он как-то воздействовал на меня, успокаивал - и противиться совсем не хотелось.

- Очень приятно, мениэр Видбри, - вяло ответила я.

И правда, как будто морфием меня накачали. Вот это лекарь так лекарь. В районных поликлиниках бы таких. Может, они успокаивали бы самых остервенелых бабуль. Освободив меня от перевязи, Геролф склонился, осматривая рану, хмыкнул тихо - и в очередной раз стало страшно. Может, у меня там уже гангрена?

- Зачем же вы себя так? - Лекарь покачал головой. - Глубокие раны в брюшную полость очень опасны. Недалеко до внутреннего кровоизлияния и заражения.

Как ни мало я понимала в медицинских терминах, все его слова были почти музыкой для ушей. Этот человек, наверное, и названия внутренних органов знает. Если так, то он - мой новый бог. По крайней мере, надежды на выздоровление значительно окрепли.

– Наверное, мне это казалось выходом, – так же заторможенно пробормотала я, всё пьянея и пьянея от тёплых потоков силы этого чудо-доктора.

Геролф поднял на меня взгляд, убрав пальцы от раны.

– Для меня всегда было загадкой, почему вы так невзлюбили Маттейса, чтобы оклеветать его. Но, в общем-то, это не моё дело. Вы сделали тем хуже только себе.

И всё же меня не покидало ощущение, что лекарь попал сюда из другого времени. Как будто выделялся среди всех. А может, это было всего лишь обманчивое ощущение, потому как я ещё мало кого видела.

– Скажите, мениэр, – каждое слово приходилось вынимать из непроглядных глубин разума, – вы верите в переселение душ?

Наверное, мой вопрос показался ему как минимум странным. Но он вида не подал. Только передёрнул плечами и по локоть зарылся в увесистый саквояж, который принёс с собой.

– Почему же не верю? Верю. И слышал, что раньше оуды владели этим умением. Может, и сейчас владеют. Да кто ж их спросит... Стражи тоже в некотором роде могут менять души. Но для этого, как вы знаете, им нужен соответствующий Ключ. Кроме них, сейчас никому не разрешено даже пытаться проводить подобные ритуалы. Это уже приводило к дурным последствиям. И за это следует жестокое наказание.

– Будто и без них жизнь – сплошной сироп, – мрачно хмыкнула я.

Неожиданно Геролф улыбнулся и покивал. Он наконец достал из сундука какой-то флакон и вынул из него пробку.

– А к чему вы спрашиваете? – поинтересовался как будто невзначай, задумчиво принюхиваясь к горлышку пузырька.

– Да сон нехороший видела, – туманно ответила я. – И случай с мениэром ван Бергом-младшим в дороге... Наверное, почувствовала что-то.

Лекарь смочил тряпочку жидкостью из флакона и осторожно промокнул рану. Боль выдернула мой разум из спасительной неги дурмана, но тот снова потонул в нём после нескольких отрывистых слов, что шёпотом произнёс мениэр.

– Это неудивительно. – Он выпрямился и отложил тряпочку в сторону – на тумбу возле моей постели. – Вы Ключ, который способен открыть многие способности в любом Страже. А уж в таком сильном, как мениэр Маттейс ван Берг...

– Если выживу.

Я легла, повинувшись лёгкому толчку в плечо.

– Выживете. – Геролф потёр ладони друг о друга. – Я залечил многие раны старшего и младшего ван Бергов. Уж с вашей справлюсь.

Приятно тёплая рука легла на раненый бок. Лекарь приблизил лицо, но губы его зашевелились беззвучно. А может, это я не слышала уже ничего, всё больше погружаясь в приятно мягкую топь его магии. Теперь я даже не сомневалась, что он – маг. Гарри Поттер без волшебной палочки...

Мысли ворочались в голове всё медленнее, становились всё глупее и путаней. Пока я совсем не уснула.

Глава 4

Спалось мне не слишком-то хорошо, несмотря на то, что хитрые манипуляции лекаря уняли страшную боль в боку совсем. Всё потому, что замок, оказывается, наполнял какой-то особый запах, то ли отсыревшего пепла, то ли прелой прошлогодней травы. С ощутимой такой гнильцой. Совсем слабый и наверняка привычный тем, кто жил здесь постоянно, меня он поначалу просто раздражал, а потом начал доводить до бешенства. И даже во сне ввинчивался в ноздри и вызывал перед внутренним взором совсем безумные картины.

Я видела чудищ, монстров, подобных тому, которого убил, говорили, сам Хилберт, когда тот гнался за мной. Как бишь его – слангер? Они не пытались меня разорвать на куски, просто стояли вокруг, опутив почти до земли свои огромные мускулистые ручки. А я смотрела на них, медленно поворачиваясь вокруг себя – и хотелось орать, но грудь забивал этот пронимающий до самых костей запах – и даже вдохнуть было невозможно. Но больше всего пугала мысль, что эти уродцы как будто ждут от меня чего-то. Приказа?

– Мейси, проснитесь!

Меня деликатно, но настойчиво потрясли за плечо.

Я перевернулась на спину и, простонав, открыла глаза. Лаура улыбнулась и отпустила меня.

– Как вы себя чувствуете, мейси?

Я медленно опустила ладонь поверх сорочки на раненый бок. Под тканью не обнаружилось даже перевязи, а боль, хоть и осталась ещё, была такой слабой, будто от старого ушиба.

– Сегодня гораздо лучше. Который час?

Я огляделась в поисках часов на стене, но вспомнила, что здесь таких быть, наверное, не может.

Служанка, кажется, озадачилась моим вопросом.

– Уже солнце встало. Такого страшного рассвета я, признаться, никогда не видела. И красивого тоже.

Даже жаль, что я его не посмотрела. Рассветы мне всегда нравились больше закатов. То ли потому, что я была жаворонком, и под вечер мне обычно уже было не до небесных красот. То ли потому, что они казались мне чистыми, не отягчёнными прожитым днём с накопившимися к вечеру проблемами, мыслями и кучей обычных мелких происшествий. Встаёшь – и какое-то время голова пуста, ещё не всплыли из памяти задачи, которые надо выполнить, вопросы, которые

надо решить. И солнце – такое же незамутнённое на рассвете, будто умылось где-то ночью и ещё не успело закоптиться.

– Принесите умыться, – хрипло попросила я. – И попить.

Тут же, как по волшебству, передо мной возникла кружка с водой.

– Уже всё готово. Я и завтрак принесла, – бодро отчиталась Лаура. – Замечательно, что вы чувствуете себя лучше. Потому что мениэр ван Берг-старший просил передать, чтобы вы собирались поскорей. Сегодня небольшой приём для родственников и самых близких у антреманна Феддрика ван Стина. По поводу возвращения его сестры из столицы.

Судорожно прокрутив в голове все скудные знания о том месте, где пришлось оказаться, я догадалась, что антреманн – это, наверное, некто вроде нашего мэра. Или скорее губернатора. Почти что встреча на высочайшем уровне. Не уверена, что я к ней готова. Накануне мне довелось получше рассмотреть все свои вещи, пока Лаура их перетряхивала, и вид их лично меня удручил невероятно. Когда-то, наверное, эти платья смотрелись вполне прилично, но то, насколько они были поношенными, а местами и потёртыми теперь, просто вгоняло в уныние. А этот заносчивый Маттейс и вовсе не соизволил предупредить меня о выезде, а ведь я надеялась расспросить, есть ли в этом доме хотя бы нечто вроде библиотеки. Может, там мне удалось бы выяснить что-то о переселении душ. Или хотя бы получше познакомиться с тем миром, где оказалась. Ведь надо же с чего-то начать.

И не успела я возмутиться этой исполинских размеров свиньёй, что подложил мне будущий муж, как после короткого стука в дверь и разрешения войти в комнату появилась Дине. А за ней – служанка с ворохом тканей в руках. Девушка улыбнулась мне чуть смущённо, но так светло, что всё раздражение тут же улетучилось. И показалось даже, что мы с ней уже подруги, хоть и познакомились только вчера и пообщаться даже не успели.

– Отец сказал, что мы сегодня едем в Ривервот.

– Вы едете тоже, мейси? – От этой мысли стало гораздо легче. Хоть не придётся находиться с Маттейсом и его сыночком одной.

– Конечно. – Она прошла дальше в комнату. – Ведь завтра вы должны примерить ваше свадебное платье. У ривервотского портного. Потому мы останемся у антреманна до утра.

Вот только ещё одной примерки свадебного платья мне и не хватало. Я даже на миг задумалась, не послужит ли она катализатором для того, чтобы вернуться в своё тело? Сомнительно, конечно, но попробовать стоит...

Показалось, Дине сощурилась чуть пренебрежительно при упоминании примерки. Она махнула служанке – и та разложила на постели тот невнятный ворох, что был у неё в руках. И он чудесным образом превратился аж в целых два платья. Одно попроще, серо-зелёное с длинными рядами пуговиц на рукавах. Второе – более тонкое, синее, с ярким красным подкладом и странными широкими лентами, что ниспадали от локтей, наверное, до самого пола.

Я окинула одежду взглядом, а затем вопросительно уставилась на Дине.

– К антреманну надо ехать в приличном виде, – строго пояснила та. – Разве вы не...

– Я никогда не бывала у мениэра ван Стина. И вы правы. Мои платья вряд ли подойдут для такого случая.

– Скоро вам сошьют новые, – милостиво успокоила меня Дине.

Думая, что сегодня мне надо выбрать одно из двух платьев, я весьма удивилась, когда после завтрака и умывания Лаура нацепила на меня сразу оба. Сначала зелёное, а сверху – синее. Возмущаться и расспрашивать, конечно, не пришлось: она всё делала так, как нужно. Это я, невежа, знать не знала, как они вообще здесь одеваются и как положено ездить к антреманну. Да и погода, признаться, требовала накинуть поверх ещё и плащ.

Под пристальным надзором Дине служанка собрала мои волосы от висков, оставив распущенные, тщательно расчёсанные волны локонов струиться по спине до самого пояса. Переплела лентами мелкие косички, прихватила их под затылком украшенной, наверное, драгоценными камнями, заколкой. Я взглянула на себя в высокое тяжеловесное псише первый раз за эти дни. И просто застыла, изредка вспоминая, что надо бы дышать. Хотелось плакать. Как будто меня

разобрали на части, а потом собрали так, что теперь передо мной был совсем другой человек. Я видела себя в мелких чертах, в мимике и жестах – но в остальном это была совсем незнакомая мне девушка. Она была красивой и холодной, окутанная потоками тёмных волос, за право поработать с которыми любой парикмахер, наверное, продал бы душу дьяволу. Пухлые, твёрдого изгиба губы, большие зеленовато-голубые глаза, нос с лёгкой горбинкой – в них читалась порода, закоренелая, древняя. За такой девушкой в моём мире гонялись бы лучшие мужики. А здесь с такой внешностью, похоже, никто не считался, никто не млел от неё, не терял голову. Видно, прегрешения бывшей владелицы и правда были серьёзными.

– Пора ехать, – напомнила Дине, вернувшись уже из своих покоев.

Она тоже приделалась соответствующе, но более ярко: зелёное, цвета молодой травы, платье и красное, чуть приглушенного оттенка – сверху.

Я моргнула и отвернулась от зеркала. Вместе мы спустились во двор. Там нас уже ждала карета со знакомыми вензелями на дверцах. Сегодня я пригляделась лучше и заметила, что они и правда составляли что-то вроде герба. Меч, направленный остриём вниз, делил поле на две части: в одной виделись очертания Волнпика, в другой – фигура то ли льва, то ли животного, очень на него похожего.

– Вы никогда не видели герб ван Бергов? – так едко, что, показалось, на коже останется химический ожог, спросил Маттейс у меня над ухом.

– Не слишком интересуюсь геральдикой. – Я пожала плечом и запахнула ворот плаща сильнее.

Может, конечно, Паулине на самом деле слыла знатоком подобных тонкостей, но врать насчёт собственных познаний мне вовсе не хотелось.

– Девице это простительно, конечно. – Йонкер усмехнулся, и его дыхание легко скользнуло по шее. – Но не аарди древнего рода. Думаю, вы лукавите. Но всё же рекомендую освежить знания о гербе той фамилии, в которую вам предстоит войти.

Я тут же уцепилась за эту возможность.

– Если бы я знала, где в этом огромном доме находится библиотека, я с удовольствием это сделала бы. – Моя смиренная улыбка, похоже, нагнала на Маттейса некоторое смятение.

– Дине всё вам покажет. Как вернёмся.

Он предложил мне руку, и я вложила в неё свою, будто в гнездо со змеями сунула. Йонкер повёл меня к экипажу, но пронзительно скрипнула парадная дверь, и во двор вдруг вышел Хилберт: страшно помятый и серый, будто всю ночь не спал. Судя по одежде, достаточно простой и лёгкой, ехать с нами он не собирался. Видно, после недавнего приступа ему до сих пор было нехорошо. Его воспалённый взгляд вцепился в моё лицо, я кивнула ему, приветствуя: в горле мигом пересохло. Но он ничем не ответил, хоть и продолжил смотреть неотрывно, как будто очень крепко о чём-то задумался. Казалось, скажет что-нибудь, но он молчал.

И до того не по себе стало от его пристального, тяжёлого внимания, что даже платье к мгновенно вспотевшей спине прилипло. Могла бы побежать – скрылась бы в карете гораздо скорее. Но пришлось степенно идти с Маттейсом эти несколько шагов, которые показались мне прыжками через реки кипящей лавы. А Хилберт всё смотрел, и взгляд его словно ввинчивался мне в подкорку. Примерно то же ощущение одолевало меня, когда по требованию Алдрика я коснулась его тогда, чтобы успокоить, – будто он вонзился в меня ножом.

Дине уже ждала внутри экипажа. Я села рядом с ней, с удовольствием высвободившись из хватки Маттейса. Лакей захлопнул дверцу – карета тронулась – и теперь только предвкушать осталось дивный, полный неземных удовольствий путь вниз, в долину, по той же витиеватой дороге.

За то время, что мы ехали до Ривервота, глядя в окно, за которым текли, как медленная река, неизменные тучи, я успела не раз вспомнить дом, где всё было привычным и светлым. Таким нереально светлым по сравнению с этим миром, что казалось раем. И вернуться туда захотелось ещё сильнее, хотя куда уж больше.

Маттейс всю дорогу молчал, пристально на меня посматривая, и я старалась не встречаться с ним взглядом. Дине же, напротив, была милостиво говорлива и рассказала мне много полезного о столице Южного антрекена – Ривервоте, где

давным-давно стоит резиденция антреманна. И о самом Феддрике ван Стине, который в определённых кругах славился весьма либеральными взглядами, хоть открыто о том не говорили. Бывали времена, когда по юности он выступал против власти Саллийской короны над антрекеном. И даже участвовал в коротких восстаниях и стычках с гвардией короля. Но потом, кажется, образумился. Впрочем, многие подозревали, что он просто затих.

Я слушала её, одновременно борясь с сонливостью после не слишком приятной ночи и любопытством расспросить о чём-нибудь ещё, более насущном для меня, чем биография антреманна. И, может, решилась бы, надеясь на некоторую наивность юной йонкери, но строгий взгляд Маттейса сдерживал не хуже шипастого ошейника.

Я совершенно не знала, сколько придётся ехать до Ривервота, а потому немало удивилась, когда город показался вдалеке, за гладким зеркалом обширного озера, довольно скоро. По ощущениям, через пару часов пути. Сначала замелькали мимо окон домики какой-то деревушки, которая лежала неподалёку от него, достаточно оживлённая и неожиданно аккуратная, как с открытки. За беседой с Дине я и вовсе не сразу заметила, что небо почти очистилось от туч, между ними теперь сияли широкие полосы чистого неба. Солнце, почти непривычное теперь, щедрыми потоками лило свет на луга, что раскинулись снова во все стороны, когда закончилось безымянное для меня селение. Окрашивало густой бронзой густой частокол осеннего леса, отражалось сиянием в воде озера.

Надо же, я уж совсем было поверила, что здесь не бывает хорошей погоды. А оказывается, самый разгар бабьего лета. Деревья, что то и дело мелькали вдоль дороги, пожелтели пока не слишком, ещё сохранили переспелую, пыльную зелень. Но воздух не обманывал – он уже пропитался от края горизонта до края тем самым знакомым духом грусти и увядания. Когда, кажется, ещё немного, и год покатится совсем под гору. А там и зима.

Дине тоже припала к окну, будто хотела напиться светом уже сейчас, не упустить ни одного луча. А вот Маттейс остался недвижимым и спокойным, только, кажется, помрачнел ещё больше, наблюдая за дочерью.

– Ты могла бы уехать в Ривервот, когда захочешь, – буркнул он наконец. – Зачем сидишь в этом Волнпике?

Сказал так уверенно, будто знал мысли Дине и этот разговор возникал между ними уже не раз.

- Потому что я должна быть рядом с тобой и Хилбертом.

- Хилберт - Страж. Он должен быть там. А тебе антреманн давно уж разрешил уехать. Хотя бы в наше имение.

Девушка только махнула рукой, одетой в тонкую перчатку, и отвернулась.

Город ударил по глазам россыпью ярких красно-оранжевых пятен домов. Поначалу одноэтажные, с малюсенькими дворами и глухими заборами, дальше они вытягивались в высоту и окрашивались во все оттенки осеннего леса. То бледные, уже выгоревшие, то почти ослепительные - только обновлённые. Оставалось только глазеть по сторонам и улыбаться неожиданно приветливому виду этого города. Пахло тёплым камнем, палой листвой и тинистой водой. Мы вывернули на главную улицу Ривервота и покатали дальше, вдоль широкого, стянутого поясами мостов, канала - судя по всему, к центру. Скоро и правда показался впереди вытянутый дом из кирпича, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет - видно, чтобы выделялся среди остальных, которые жались к нему с обеих сторон.

Карета остановилась у кованых ворот. Услужливый лакей, который ехал на козлах с кучером, тут же открыл дверь. Первым вышел Маттейс и подал мне руку. Слуга помог выйти Дине.

- Вам лучше чаще помалкивать, - пока мы шли до крыльца, посоветовал йонкер.

Я повернула к нему голову.

- Не надо держать меня за ребёнка! Или за дурочку, которая и пары слов связать не может, - возмутилась.

Хотя, наверное, молчать и правда было в моём случае наилучшим решением. По незнанию можно ляпнуть такое, что не расхлебать. Но вот патологически не люблю, когда мне приказывают заткнуться. Антон пару раз рискнул в грубой форме - последствия были плачевные. Я молчала несколько дней, пока он

первый не начал лезть на стену. Наверное, от мыслей, что я могла задумать в этой зловещей тишине.

– А вы и есть ребёнок, что по глупости однажды натворил дел, за которые теперь расплачиваемся все мы, – на удивление беззлобно ответил Маттейс.

В голосе его, приятно хрипловатом, почудился оттенок назидательности. Динеглянула на него гневно, сдёргивая перчатки.

– Хватит ворошить, – попыталась вступиться. – Это было давно. Разве не все мы порой ошибаемся?

Йонкер только плечами пожал. Похоже, и сам не слишком любил поднимать эту тему. Но в его возрасте люди порой не способны менять мнение и проявлять гибкость.

Дородный дворецкий отворил нам дверь и после должного приветствия впустил внутрь. Я огляделась в заметно тесноватом по сравнению с древним Волнпиком доме: много фресок на стенах, деревянная, чуть изогнутая лестница на второй этаж, гладкий пол, выложенный мозаикой с изображением некоего странного зверя с тремя головами: дракона, льва и быка. На миг я задумалась, кого напоминает мне это чудище – и почти сразу вспомнила химеру. Знать бы только, что означал подобный символ здесь.

Слуга проводил нас мимо лестницы в просторную гостиную, светлую, с оштукатуренными и окрашенными в приятный бледно-зелёный цвет стенами. Под потолком их украшала вязь цветочных узоров. Обставлена она была на вид не слишком удобной, но красивой и вполне себе изящной деревянной мебелью. Дворецкий ушёл с обещанием доложить о приезде антреманну.

А все, кто был сейчас в комнате, тут же обратили на нас взгляды. Внимание их быстро переметнулось со знакомых лиц Маттейса и Дине на меня. Благо гостей пока было немного: двое мужчин и одна женщина постбальзаковского возраста, похожая на куропатку. Не знаю, почему мне пришла такая ассоциация: может, оттого, что по сравнению с её упитанным телом голова казалась маловатой.

Я так и обмерла на мгновение, пока Дине рядом со мной не отвесила всем приветственный реверанс – пришлось быстро повторять за ней. Гости как будто

этим удовлетворились – и напряжение спало.

Маттейс представил меня присутствующим. А затем назвал их имена, которые, конечно, ни о чём мне не сказали. На том, казалось бы, знакомство было исчерпано. Высокий и пузатый, как фигурный кофейник, аард Бен Мейер тут же занялся разговором с Маттейсом, позабыв обо всех остальных. А его супруга, вроу Леона, как оказалось, старшая сестра антреманна, лёгким взмахом пухловатой ручки подозвала нас с Дине к себе.

– Чудесно! – всё, что я сумела чётко расслышать из её торопливой, будто до этого она молчала год, болтовни. – Я так рада, что Маттейс наконец решил жениться снова.

Негромкое фырканье за спиной заставило обернуться. Мужчина лет двадцати пяти, которого мне представили как Тейна Мейера, смотрел на матушку с явной насмешкой и раздражением. Встретив мой взгляд, он тут же поменялся, будто взволновался – и на его плоских щеках даже зажёгся румянец. И от его вопросительно-ожидającego взора стало немного не по себе. Как будто он хотел о чём-то поговорить, но не решался при всех. И так похож он был на съедаемого внутренними страстями человека: с этими трагично чёрными, до плеч, волосами и резкими скулами на худощавом, но не измождённом лице, страдающей линией губ, будто бы изогнутых в презрении ко всему миру. Наверное, в чём-то к нему несправедливому.

– Что же вы, мениэр, не согласны с тем, что женитьба моего отца – это благой знак для многих? – зацепилась за произвольный звук, что он издал, Дине.

Её взгляд тут же заострился, так, что она перестала походить на ромашку и напомнила скорее чертополох. А ещё – Хилберта.

– Что вы, – приятным баритоном ответил мужчина. – Это поистине большое событие. После ссылки в Волнпик. После стольких лет прозябания в нём. После всех скандалов и разбирательств. После самоубийства матери мейси Паулине и исчезновения её сестры. Да... Это благой знак.

Сказано это было не так уж громко, но достаточно для того, чтобы размеренный разговор Маттейса и мениэра Мейера вмиг оборвался. Йонкер уставился на молодого аарда, и по губам его поползла нехорошая ухмылка. А я так и вовсе

застыла, охваченная жгучим потрясением. Вот это прямо-таки шикарный шлейф тянется за мной, а вернее, за Паулине. То-то, думаю, ноги еле волоку от такой тяжести.

– Вы, кажется, слишком заотдыхались в своём тихом Восточном гарнизоне, мениэр Мейер. Обнаглели после повышения, – тихо и угрожающе пророкотал Маттейс.

Но возможной ссоре не суждено было случиться, потому как к гостям спустился худощавый и высокий мужчина весьма, на мой вкус, болезненного вида. Я бы показала его мениэру Геролфу. При ближайшем рассмотрении – хоть я и пыталась глазеть не слишком открыто – антреманн оказался хорош собой. Не такими мощными и выпуклыми чертами, как ван Берги, а некой утончённостью. Кстати, с дерзким Тейном Мейером они были даже чем-то похожи. Пожалуй, все мужчины, что успели встретиться мне в этом мире, отличались внешностью резковатой, но неуловимо притягательной. Феддрик быстро смерил меня острым взглядом. Поприветствовал сначала Маттейса, затем Дине, рассеянно ей улыбнувшись, а затем развернулся ко мне. С остальными он, видно, успел увидеться раньше.

– Так вот этот дивный алмаз, вокруг которого столько шума. – Он непринуждённо подхватил мою руку и достаточно ощутимо и протяжно сжал. – Вы хитрец, мениэр ван Берг. – Показалось, что сейчас он погрозит йонкеру пальцем, как нашкодившему мальчишке, хоть был явно и значительно моложе его. – Провели её мимо аукциона, хоть из того положения, в котором оказалась её фамилия, был путь напрямик туда.

А вот с этого места хотелось бы поподробнее, но мне пришлось смолчать, переминаясь с ноги на ногу от досады.

– Думаю, её матушка, которая и без того окончила жизнь весьма печально, не простила бы мне. Не простила, если бы я оставил мейси Паулине в беде. К тому же... Разве вы хотите, чтобы она досталась абы кому, мениэр ван Стин? И уж тем более Короне? – с откровенным ехидством уточнил Маттейс. – Для Стражей она истинная находка. Ключей Воли, способных управлять порождениями Шада, не рождалось уже очень давно. Мы начинаем сдавать позиции. Слангеры и гарги уже прорываются из Пустоши. Не далее как несколько дней назад они напали на кортеж аарди, и она выжила только чудом.

– Разве они могли пробраться так далеко мимо всех Стражей? – усомнился аард Мейер-старший.

– Тот сброд, что сейчас называет себя Стражами, больше не может удерживать брешь, – ядовито проговорил его сын. – Не в том ли заслуга мениэра ван Берга? И разве одна девушка может переломить ситуацию? Тут дело вовсе не в ней...

– Паулине снова разольёт огонь по крови старших Стражей рода ван Бергов. А значит, возрастет сила других Стражей, более низких рангов. – Маттейс ещё старался говорить спокойно, но всё заметнее становилось, что этот молодой человек явно его раздражает.

– Уважаемые мениэры, – не выдержала я, – вообще-то я ещё здесь.

В самом деле, как можно обсуждать меня так хладнокровно, будто я одно из этих кресел? Хотя их разговор и был полезен для меня, но грозил перерасти в просто бестолковое метание взаимных колкостей. Если не сказать хуже. Дине хмыкнула тихо, но достаточно для того, чтобы я услышала – и от её поддержки стало немного легче. А вот мужчины в большинстве своём и взглядов в мою сторону не обратили. Только Тейн посмотрел коротко и встревоженно, будто пожалел. Антреманн выслушал Маттейса с явным интересом.

– Я искренне надеюсь, что аарди дер Энтин поможет Стражам в том, чтобы отогнать тварей в глубь Пустоши снова, – уклончиво согласился он, не выражая ясного отношения ко всему этому. – То, что они появляются в антрекене, очень тревожный знак. И кому, как не вам, мениэр, заботиться о нерушимости границ. Волпик доверили вам вовсе не случайно. Ещё и после того, какие мерзкие слухи вас окутали в своё время.

Йонкер расплылся вдруг в улыбке, но вовсе не весёлой, а скорее угрожающей. Снова его короткий взгляд прошёлся по мне раскалённым прутом.

– За мерзкие слухи, как вам известно, стоит благодарить мейси дер Энтин. – Его голос будто ледяной коркой покрыл всю комнату.

А особенно – меня. Чем больше он говорил, тем яснее я понимала, что Паулине в своё время и правда обвинила его в чём-то страшном.

– Как бы то ни было, я сохранил обрывки вашей репутации... Когда вас хотели отдать под трибунал, не разбираясь, насильовали вы девицу на самом деле или нет.

– И загнали меня на самый край антрекена, в этот замок...

– Мениэры, – с капризным укором проговорила вроу Леона. – Прекратите.

Вот оно что. Я едва не прикрыла лицо рукой. Нет, в том, конечно, была не моя вина, но и мне невольно становилось стыдно.

Маттейс замолчал, покачав головой. А остальные не стали и вмешиваться.

– Ничего, у мейси дер Энтин теперь есть все шансы загладить перед вами свою вину, – казалось бы, миролюбиво закончил пререкания антреманн. Но тут же добавил: – Если таковая была. До сих пор доподлинно никто не скажет, что случилось тогда с младшей сестрой Паулине...

Он поднял вверх ладони, когда Маттейс прищурился с угрозой в глубине серебряных глаз. Похоже, побаивался его. Да и неудивительно: тот был гораздо внушительнее Феддрика, шире в плечах и даже ростом чуть выше. Мужчины же не двинулись со своих мест, как будто всё происходящее было вполне нормальным и не несло опасности. Да и невозможным казалось, что сейчас антреманн с йонкером и правда сцепятся. Ну не к лицу им как-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/schastnaya_elena/zhena-v-nasledstvo-kniga-pervaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)